Владимир Кучин

**Анекдоты,
рассказы,
повести**

сборник

Владимир Кучин

Анекдоты, рассказы, повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18401302

ISBN 9785447472740

Аннотация

Сборник включает в себя: анекдоты – короткие новеллы, рассказанные Олегом Лукиным, самым юным героем повести «Сага Низовской земли»; рассказы о будущем из сборника «Короткие рассказы», возможно немного мрачноватые; повесть «Приключения агента Эжена» о первых шагах советского юного разведчика Эжена в американской морской пехоте (открою секрет – прототип Эжена дальний родственник Николая Бочариса – героя «Саги»); повесть «Сага Низовской земли», созданную на основе рассказов реальных нижегородцев.

Содержание

Анекдоты от Олега Лукина	5
Бакены	6
Вечный вопрос	8
Масло	10
Бутерброд прикарпатский	12
Мафия	14
Адвокат	17
Блатной пассажир	20
День Красной Армии	27
Антенна	29
Чудеса и приключения	31
Компьютеры	33
Из сборника «Короткие рассказы»	35
Рассказ 2. Дневник	35
Рассказ 3. Торф	36
Рассказ 8. Мама	38
Рассказ 9. Призер	39
Рассказ 10. Туристы	40
Рассказ 11. Молоко	41
Приключения агента Эжена	43
От автора	43
Предисловие	44
Питтсбург, штат Пенсильвания. Расконсервация	45
Огаста, штат Мэн	49
Новый Орлеан, штат Луизиана. «Заброска»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Анекдоты, рассказы, повести
сборник
Владимир Кучин**

© Владимир Кучин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анекдоты от Олега Лукина

Это рассказы персонажа последней новеллы повести «Сага Низовской земли» Олега Лукина, записанные с его слов и слегка исправленные. Я назвал эти маленькие новеллы анекдотами – так, как называли такой жанр в русской литературе в 19-м веке.

Бакены

В Астрахань я поехал с ведущим инженером из моего сектора Андреем. Два места в нашем купе были не заняты. Мы проехали Арзамас, ночью миновали Саранск, и к вечеру следующего дня добрались до Саратова. Попутчиков не было. Андрей остался в купе, а я вышел на перрон, зашел в здание вокзала, купил местную газету и вернулся на платформу. Параллельно нашему поезду стоял поезд, приехавший из далекого Ташкента. Окна его вагонов были завалены пестрыми полосатыми тюками с каким-то товаром, направлявшимся в Москву. Азиатские пассажиры – то ли узбеки, то ли таджики – гуляли по платформе, не опасаясь отправления – похоже этот товарно-пассажирский стоял в Саратове уже несколько часов. На моей платформе появились несколько местных торговков, продававших пироги и горячий чай. Чай мне был не нужен, а полдюжины больших пирогов с луком с яйцом я купил. Я бывал в Саратове, и знал, что пироги были съедобны, – опасаться за желудок не приходилось.

Проводница из моего вагона стояла рядом со мной на платформе, затем она ушла в вагон и вернулась в пилотке и с красным свернутым флажком в руке. Это было признаком скорого отправления, поэтому я залез в вагон и прошел в купе. Мое появление было встречено громкой репликой:

– Вот и горячая закусочка пожаловала, вовремя парни, очень вовремя!

Реплика была брошена нашим новым попутчиком, сухим сильно загорелым мужчиной в джинсах и толстом светло-бежевом свитере. Попутчик, его звали Герман, был крепко навеселе. Из багажа с ним был картонный ящик, содержащий такой джентльменский набор: две бутылки водки, пакет с рубашкой и костюмом, пакет с ботинками и пухлая бюрократическая папка на молнии. Первое, что предложил сделать Герман, было «выпить с отплытием по стакану». Я возможно вежливее отказался, Андрей выпил полстакана, а Герман – стакан.

Пироги действительно были неплохие – я заказал проводнице чаю, и Герман рассказал нам следующую забавную историю.

– Я, парни, на Волге не последний человек, – инспектор акватории. Завершил годовую инспекцию в Саратове, вот продвигаюсь до станции Михайловка в Астраханской губернии на Ахтубе. Там меня уже ждет буксир. Там сначала порыбачим, а затем мне нужно в калмыцкий порт пяти морей на Волге – городок Цаган Аман. В нем я встречаюсь с Калмыцким милицейским начальством. Терка у нас с ними будет большая – калмыки украли с фарватера штук двести бакенов, развезли по временным стойбищам и используют их для освещения.

– И это, парни, для меня большая подстава. В бакенах этих батарея специальная, ее делают только в Екатеринбурге. Три года я у москвичей просил денег на шестьсот батарей, много водки выпил, много осетра и икры в Москву завез – и вот этой весной деньги на Урал ушли. А там, как только этого и ждали – половину суммы сразу за долги списала с завода налоговая, поэтому завод мне сделал только триста батарей, и остался за триста батарей должен – да что от этого долга толку. Я батареи отгрузил чин по чину в низовья Волги, волгоградцы и астраханцы их вставили в бакены и распределили по бассейновому фарватеру. И вот, на тебе, калмыки, видишь ли, их воруют. Сто бакенов на реке, а двести пропали!

– Тут, парни два вопроса. Или калмыки беспредельничают, или бакенщики по бедности им бакены продали – а теперь ищи их в степи. Разбор, парни, предстоит серьезный. А для их калмыцких хижин – бакен лучший осветитель – он высокий, лампа сильная, батарея низковольтная мощная – полгода может гореть. А кончится батарея – сдадут бакен в металлолом. А милиция калмыцкая она все знает, да что тут сделаешь – их степные законы выше наших речных порядков.

– А, Москва, что Москва. Сейчас калмыцкую милицию напрягу еще на балык, на осетра, на икру. Баранину пусть дают, тулупы охотничьи. Так, братишки, и закроем вопрос. А теплоходов нынче на Волге мало, плавали пять лет без бакенов – еще поплавают. Им не привыкать.

Герман выпил еще стакан водки и лег спать. Чиновник это был пьющий, но тихий. Он не врал, в Михайловке в наше купе пришли два обветренных «боцмана», они разбудили и подхватили под руки Германа, взяли его пожитки и ушли.

А чем закончилось это детективное дело?

Скорее всего, все случилось так, как говорил Герман. Все получили то, что заслужили: уральский завод – российские бюджетные деньги, уральский бюджет – недополученные налоги, калмыки – осветительные бакены, калмыцкая милиция – товары от калмыков и законную долю, москвичи – балык, икру и мясо, бассейновый инспектор Герман – почет и уважение.

А волжские речники? Да, они получили мало, но им не привыкать, как сказал инспектор Герман, обойдутся.

Апрель 2016 года

Вечный вопрос

Владлен Самойлов был евреем. Был ли он типичным представителем еврейского сообщества или не типичным – я не знаю. Но евреем он был официальным, с записью в паспорте, что, однако, не помешало ему занять должность начальника сектора в нашем полузакрытом институте. Коммунистическим именем Владлен был обязан родителям, – но о них он никому ничего не рассказывал. Владлен Самойлов, или просто Влад, был смелым мужиком, что имело несколько практических подтверждений, и не отрицал стойкую любовь к хорошему застолью. У Влада было два сына, – и оба уехали в Израиль. Старший сын на исторической родине работал в школе учителем. Этому помогло то, что в юности он занимался велоспортом и заочно окончил институт физкультуры. Младший сын работал мастером по ремонту электронных автоматов. В общем, его дети неплохо устроились, но Влад выезжать к ним пока не планировал.

Вот с таким неординарным человеком я попал на семинар по автоматизации на ВДНХ. Семинар длился два дня, поэтому единственным возможным временем для отдыха в столице от нашей провинциальной текучки, оказался вечер первого семинарского дня. Влад был в этом деле человеком бывалым и взял инициативу в свои руки. Мы жили в гостинице «Космос», но Влад повел меня в район расположения гостиницы «Золотой Колос». Мы проникли через неприметную дверь в цокольный этаж одного из корпусов и оказались в заведении, относившемся к питейно-развлекательному классу «Погребок».

Залы в погребок были небольшие, свет приглушенный, окна круглые с мозаикой из цветных стекол. Свободных столов в погребок не было, но были свободные места. Так мы оказались в центральном зале погребка за приземистым столом, где напротив нас уже отдыхал высокий бледнолицый господин в светло-сером замшевом пиджаке. В зале размещался миниатюрный бар, но бармена не было, а у стойки на высоком плетеном стуле сидел исполнитель – скрипач. Он периодически наигрывал некие негромкие мелодии в стиле луизианского кантри.

Господин, отдыхавший за одним с нами столиком, делал вид, что наше присутствие его не интересует. Он расположился боком к столу на резном полукресле, повернутом к бару, а тощие ноги в светло-коричневых замшевых туфлях вытянул так, что они занимали часть прохода между столами. Господин смотрел в сторону скрипача через толстые линзы очков, висевших на самом кончике его носа, постукивал по столу костяшками правой руки, и изредка отхлебывал из хрустального стакана, небрежно зажато в левой руке, маленький глоточек темной жидкости. Наверное, это было виски, еще не вошедшее тогда в общее употребление, о чем говорило то, что на столе стояла початая пузатая бутылка этого напитка.

Влад хотел заказать нам шашлык, но его в тот день в меню погребка не было. Поэтому мы заказали мясо на вертеле с острым венгерским соусом, овощной салат, графинчик водки, пару пива и лаваш. Прошло минут двадцать. В погребок можно было курить, и мы закурили. Влад курил «Беломор» обладающий, как вы понимаете, особым едучим дымом. Через некоторое время этот дым достиг органов обоняния сторожила нашего стола. Он повернулся к столу, поставил на него стакан, сложил обе руки на плоскости стола так, как меня учили сидеть еще в первом классе за школьной партой, выпятил переднюю губу и стал через «цейсовскую» оптику толстых стекол гипнотическим пьяным взглядом впиваться в лицо Влада,

сидевшего прямо напротив него. Проведя длительный сеанс психотерапии, замшевый господин, наконец, решился и с явным тягучим эстонским акцентом заявил:

– Я-а, ва-ас, рюс-с-с-кх, не лублю!

И после этого очкарик еще сильнее выпятил нижнюю губу и сделал театральный жест двумя руками в стороны, который можно было перевести так:

– Что, съели, как вам?

Влад посмотрел на пьяного и потому очень смелого господина и ответил:

– А где ты видишь русских, рыло чухонское? Я еврей, может паспорт показать?

Эстонец ничего не ответил. Он наклонил голову на длинной шее направо, внимательно посмотрел на Влада через толстые линзы пьяными глазами, затем мотнул головой налево, отпил большой глоток виски из стакана и занял прежнюю позу – повернулся в пол оборота в сторону скрипача. Вечер был испорчен. Сидеть рядом с эстонским пьяным очкариком было противно, а перемещаться на другой стол значило показать слабость. Мы быстро расправились с водкой и закуской, взяли пиво с собой, расплатились, и вышли из погребка на вечернюю улицу. Влад опять закурил «Беломор» и подвел итог:

– Гласность, Олег, это когда чухонец может безнаказанно оскорбить еврея, а если еврей за это ударит чухонца по его цинковому кумполу – это будет хулиганство. Когда же это кончиться?

Апрель 2016 года

Масло

В Ленинградский институт «Авангард» я поехал по техническому обмену. Ленинградцы мне отдавали магнитную ленту для машины ЕС с программой трассировки печатных плат, а я вез две платы памяти для машины «Электроника-60». В Ленинград со мной увязался Дима – его все звали Димон – из соседнего отдела. Делать Димону в Ленинграде было нечего, но там жил его двоюродный брат – он учился на командном факультете в какой-то военной академии.

Один день мы потратили на обмен в «Авангарде», второй на поездку к брату Димона, а в день отъезда с утра поехали в магазин «Электроника» на Московский проспект, так как Димону его коллеги поручили купить какие-то пассики для магнитофонных приставок. Мы заранее выписались из общаги завода «Электросила», где мы ночевали по протекции брата Димона, и поехали в «Электронику», что называется «с вещами».

Покупка пассиков много времени не заняла. На обратной дороге к проспекту мы обходили сквер – и зашли в большой магазин «Гастроном». В винном отделе, ближайшем к входу, свободно продавали водку по 6 рублей 25 копеек. Деньги у Димона были, но водка, особенно после вчерашнего посещения брата Димона, у нас энтузиазма не вызывала. В кафетерии продавали соки и пиво «Славянское». Мы поставили портфели на кафельный пол магазина, и выпили по бутылке пива. Экономный и пронирующий парень Димон отнес пивную тару к хозяйке кафетерия и попутно у нее спросил – где в «Гастрономе» отдел заказов. Он оказался за обшарпанной дверью без таблички.

Димон потащил меня в этот отдел. В отделе, в том числе и за прилавком, никого не было. За стеклом низкой витрины был такой странный набор: латунная квадратная банка с проволочной ручкой, две пачки порошка «Лотос» и туалетное мыло. Вышла продавщица. Димон оживился:

- Девушка это что в латунной банке, машинное масло?
- Не машинное, а оливковое, греческое. Банка 10 литров, набор 11 рублей.
- А без порошка и мыла?
- Отдельно масло не продается, только в наборе. А что очень надо?
- Да нет, но порошок как-то без надобности.
- Ну ладно, мужчина, берите масло за 10 рублей, порошок он и так уйдет.

Димон уплатил заспанной продавщице в помятом синем халатике 10 рублей, получил импортный продукт питания, оказавшийся весьма тяжелым, и мы вышли на улицу.

Еще не доходя до проспекта, мы натолкнулись на хвост очереди, которая загибалась за угол и пропадала в двери маленького магазина с вывеской «Хлеб». Димона очередь заинтересовала, он обратился к крайнему очереднику:

– Что дают?

– А, водку, чего же еще!

– Слушай, а вот в том магазине у сквера водки навалом.

– Знаем, но там по 6—25, а тут по 5—75, цена ниже, а водка та же.

– Давно стоите?

– С обеда.

Мы пошли к метро. Димон сделал вывод по беседе с обитателем водочной очереди:

– Вот, ленинградцы, экономный народ, таких не надуешь.

Когда мы вылезли из метро неподалеку от Московского вокзала, ручка масляной банки основательно натерла Димону руки. Время у нас было. Мы поставили портфели, а Димон банку, на оцинкованный лист подоконника витрины какого-то магазина, чтобы передохнуть. Димон закурил, а я глазел на проезжающие мимо троллейбусы. Это приятное занятие было прервано, когда Димон дернул меня за рукав и прошипел:

– Олег, смотри какая засада!

За стеклом витрины, у которой мы стояли, расположилась квадратная, хорошо знакомая Димону банка масла, две пачки порошка «Лотос» и туалетное мыло. Рядом с товарами стояла табличка «Набор №11, 10 руб. – 00 коп»

Я засмеялся, мы с Димоном попали в ситуацию, давным-давно описанную американцем О`Генри. Я поднял пресловутую банку масла и успокоил Димона:

– Ладно, давай я немного твой заказ потаскаю. А ты Димон прав, ленинградцы очень экономны и расчетливы, их не надуешь.

Апрель 2016 года

Бутерброд прикарпатский

Наша троица: я, Кузя и Комар, медленно продвигалась по улицам вечернего Львова. Мы работали во вторую смену на заводе имени Ленина у аэропорта – запускали линию пайки волной – и шли с троллейбусной остановки к гостинице Прикарпатского военного округа. Я, хотя и имел довольно плотную комплекцию, выглядел бледно на фоне своих коллег, особенно Комара. Он в молодости занимался борьбой и даже был каким-то юношеским чемпионом. От увлечения спортом в Комаре сохранились – крепчайшие руки, толстая необъятная шея и постоянный аппетит.

Доходил десятый час вечера, в Львове все было закрыто. Вдруг Кузя прочитал наши мысли:

– А я знаю одну местную забегаловку, там закрывают в половину одиннадцатого. Погнали?

Мы прибавили шагу. Забегаловка оказалась буфетом при столовой в Львовском то ли райкоме, то ли горкоме. Когда мы зашли, свет в буфете был почти потушен, и буфетчица завершала трудовую торговую вахту. Она сходу нас огорошила:

– Все закрыто, ничего нет, холодильник заперт.

Около нее стояла единственная тарелка с шестью бутербродами с чем-то красным.

Комар показал пальцем на тарелку и спросил:

– А это что, небось, сало венгерское?

– Это бутерброды «Прикарпатские», острый продукт. Брать будете?

Голодный Комар мотнул головой:

– Будем, все шесть, и горилки по сто пятьдесят.

Буфетчица налила нам горилки, пододвинула тарелку, получила деньги, и ушла в подсобку, наверное, чтобы спрятать там наш трудовой червонец.

Не успели мы опомниться, как Комар маханул стакан горилки и откусил половину бутерброда. После этого случилось невероятное – из его глаз брызнули слезы.

– Да, острый продукт, хозяйшка не врет.

Буфетчица вернулась и, увидев достигнутый эффект, сама пояснила:

– Бутерброд «Прикарпатский» с начинкой из козьего сыра, перетертого с красным жгучим перцем. Не бойтесь, мужчинам он очень полезен, тонус повышает.

Мы допили водку, и Комар уточнил:

– Точно повышает?

– Да проверено, неоднократно.

Буфетчица усмехнулась, Комар продолжил:

– И завтра бутерброды будут, может мне подскочить индивидуально вечерком?

Буфетчица оценила весовую категорию Комара и кивнула:

– Будут, заходи в это же время.

В Москве, в которую мы вернулись через пять дней, Кузя решил и спросил великана Комара:

– А что, Комар, сильно бутерброды «Прикарпатские» повышают тонус?

Комар усмехнулся и неожиданно ответил Кузе философски:

– Ну, это смотря, кто и где и как их приготовит.

Апрель 2016 года

Мафия

Ровно в девять утра в понедельник на моем рабочем столе зазвонил телефон. Я снял трубку, и услышал мягкий женский голос:

– Алло, мне Олега Николаевича.

– Я слушаю.

– Олег Николаевич, наконец-то я вас нашла, а то звонила всю прошлую неделю, никто трубку не берет.

– А кто это? Мы знакомы?

– Это Эльвира Рахматуллина из Уфы с Республиканской выставки. Помните вы к нам приезжали в прошлом году.

– А, да, помню, дня три мы были. В чем вопрос, институт не оплатил чего-нибудь?

– С этим все нормально, Олег Николаевич, все нормально с этим. Вопрос другой. Вы у нас были два дня и ставили свой микроавтобус «Тойота» на стоянку, помните.

– Наверное, ставили, я собственно экспозицией занимался...

– Я неправильно выразилась – ваш водитель Дугин ставил автобус на стоянку, а я дала ему письмо с печатью выставки, что автобус на стоянке стоял два дня.

– И что дальше?

– А ваш Дугин впечатал слово двадцать на принтере, и получилось, что автобус был на стоянке двадцать два дня.

– Дугин, на принтере? Фантастика. Но есть же чеки, или талоны, приходники, что вы обычно выдаете?

– Вот именно, Дугин отчитался приходниками за все двадцать два дня.

– Где же он их взял?

– Вот этого не знаю, но он еще и приходники исправил – и теперь они стали не на сорок, а на сто сорок рублей.

– Опять впечатал на принтере?

– Нет, рукой вписал. И вот теперь меня местное УБЭП зовет для дачи показаний. Будто я с Дугиным в доле, представляете. За восемь лет работы со мной такое первый раз. Олег Николаевич, найдите Дугина, попросите его вернуть мне письмо и фальшивые квитанции, я вас умоляю. Олег Николаевич, вы сходите?

– Хорошо я схожу, и попрошу, а там уж как Дугин решит.

После обеда я пошел в институтский транспортный цех искать Дугина. Сделать это было просто – Дугин, ветеран баранки лет шестидесяти, сидел в конторе и смотрел телевизор. Он увидел меня и сразу громко поприветствовал:

– А, мафия пришла, привет! Давненько, Олег, ты к нам не захаживал. Вот так я и знал, что тебя пришлют по мою душу. Ну, Олежек, рассказывай.

Термин «мафия» Валерий Петрович Дугин, водитель нашего директора, или просто Петрович, употреблял ко всем начальникам из институтского высотника – инженерного корпуса.

– А чего рассказывать, Петрович, я вижу, ты все знаешь. Чего с Эльвирой Рахматуллиной делать?

– А чего мне с ней делать? Чего с Эльвирами обычно делают, то и делать.

– Петрович, я серьезно.

– И я серьезно. Вот ты думаешь, меня кто-нибудь кроме тебя потревожил, слово мне сказал?

– Наверное.

– Дурак ты, Олег, даром что мафия, и уши у тебя холодные. Да никто мне ничего не говорил. Тогда откуда же уфимский следак все о нас знает?

– И откуда?

– Я, Олег, думаю, дело было так. Он записал номера всех иномарок с других регионов на стоянке во время выставки и обзвонил эти города, нашел друзей, и так вышел на нас.

– Телевизор на тебя, Петрович, хреново действует! Что вот так всех и обзвонил, прямо как в бандитском Петербурге?

– Круче, Олежка, много круче. Обзвонил, значит, уфимец друзей, вышел на нас, и попросил местного следака порыться в моих уфимских отчетах. Наш следак дал задание своему институтскому стукачку и тот сразу все нашел. А после этого уже предъявили все Эльвире с выставки.

– А зачем так сложно?

– Ну, это уж я не знаю, скорее всего, дела амурные там в Уфе. Так мне опыт подсказывает.

– А тебя вообще ничего не спрашивали?

– Что, Олежка, меня спрашивать. Ну, спросят. Ну, скажу я им, что отдал их коллегам на дороге за сорок два года работы почти столько же, сколько сам заработал. Помнишь, нас тормознули у Волжска на знаке «40»? А шиномонтаж в Уфе, на въезде я полосой ошибся, тогда ты спал, ходил в будку. А машинка у меня приметная, дорогая машинка, все эти расходы мне как покрывать? Так что иди, Олег, и не расстраивайся, не мафии это ума дело. Как-нибудь, они в Уфе сами разберутся. Не так, так эдак.

– Петрович, а ты откуда все знаешь про уфимского следака, по свои отчеты, про местных? Секрет?

Петрович ухмыльнулся и закончил разговор:

– Иди уже, Олежек, не мешай телевизор смотреть, мне еще вечером директора возить. Не забудь в высотнике мафии привет передать от Петровича.

Апрель 2016 года

Адвокат

Бумага на поселение, полученная мной в Киевском объединении имени Королева, на администратора гостиницы «Украина» никакого впечатления не произвела. Администратор – усталая женщина средних лет – прочитала мое письмо, напечатанное на бланке Киевского горкома, подала его мне назад и, не произнеся в мой адрес ни слова, обратилась к стоявшему в очереди за мной плотному краснощекому мужчине:

– Что у Вас?

Часы, висевшие на стене сзади всемогущих администраторов – их было двое – мужчина и «моя» усталая женщина – показывали без четверти пять. Киев я знал отвратительно, а «королёвцы» уверили меня, что я поселюсь без проблем по их брони, но это оказалось весьма далеко от истины. Буквально, я не знал, как действовать дальше, и тут в дело вмешался счастливый случай. Рядом со мной на кожаном диване сидел упитанный мужчина, у которого из вещей был только один дорогой, по виду импортный, дипломат. Он дожидался своей очереди ко второму администратору – мужчине.

Первый же взгляд на этого человека свидетельствовал – это состоятельный, знающий себе цену человек, занимающийся чем-то интеллектуальным. Его холёные руки явно давно не касались черенка какой-нибудь «лопаты», либо штурвала какого-нибудь «комбайна». Он видел мою неудачу и неожиданно попросил, показывая рукой на письмо, уже вложенное мной в паспорт:

– Товарищ, что там у вас, позвольте взглянуть.

Его экспертное заключение было убийственное, а продолжение заключения спасительное.

– Нет, сегодня по этой бумажке вас не поселят. В ЦК республиканское совещание, все занято под их броню. Но вам повезло – мой партнер не смог приехать. На один день я могу внести вас в мою заявку, а там что-нибудь придумаете. Давайте паспорт.

Оказалось, что передо мной адвокат из Луганска, а его заявка на поселение – это письмо от Верховного суда Украины. Адвоката звали Борис, он вписал себя и меня в это волшебное письмо, и через полчаса мы уже входили в двухместный номер на десятом этаже.

Борис, не снимая легкого плаща, сел на стул у окна, выходящего в сторону Крещатика, положил дипломат на журнальный столик и раскрыл его. Внутри оказалась толстая папка с тиснением «Москва-80», мужской дорожный несессер и бутылка коньяка. Я снял плащ, бросил плотно набитый потертый портфель у одной из кроватей и спросил:

– Борис, сколько с меня?

– С вас, уважаемый гость столицы Украины, три рубля шестьдесят копеек за сутки проживания и пятерочка сверху. И такая низкая цена только мне как ветерану получения столичного гостиничного сервиса. Но спешу вас успокоить – ночевать я не буду, так что

чувствуйте себя вольготнее. Советую вам сходить на девятый этаж – там недорогой буфет, а в городе ничего лучшего, на предмет хорошо покушать, вам не найти.

Я дал Борису червонец, он аккуратно отсчитал сдачу, и отдал мне гостиничную приходную квитанцию и мой картонный пропуск в гостиницу. Затем адвокат протер белым батистовым платком стакан, стоявший рядом с пустым графином на столике, налил в него и выпил граммов сто коньяку, положил на столик ключ с деревянным грушевидным брелоком, обмахнул свои лаковые ботинки щеткой, которую взял из платяного шкафа в прихожей номера, и испарился со словами:

– Увидимся завтра!

Рано утром я уехал с автобусной станции на механический завод в Вышгород, и вернулся в гостиницу только вечером в половине седьмого. Когда я подал усатому метрдотелю, типичному Остапу сыну Тараса, но на военной пенсии, пропуск в гостиницу, – он лишь бегло взглянул на него и сразу кинул в полуоткрытый ящик стоявшей у «поста» тумбочки, после чего вежливо сказал:

– Товарищ, вам к администратору на продление.

Администраторы были новые, к тому же по гостиничным меркам с часа моего поселения вообще прошло двое суток. Миловидная густо накрашенная управительница меня выслушала, взяла паспорт, посмотрела в магическую амбарную книгу, и прощбетала:

– Молодой человек, так вы час назад как от нас выписались, а поселить сейчас я вас не смогу – мест совершенно нет. Поищите для себя номерок в других гостиницах города.

Она подала мне паспорт назад и уже обратилась к другому просителю, но не учла одно обстоятельство – я не забрал из номера вещи, о чем я администратору и напомнил. Она позвонила на десятый этаж, все выяснила и сказала мне следующее:

– Ваши вещи, молодой человек, в гостиничной камере хранения на втором этаже, получить вы их можете завтра в девять утра, одни сутки хранения бесплатно. Вашего коллегу мы спрашивали – освобождает вы номер или нет, он сказал, что освобождаете. Номер дешевый – мы его сразу же заселили. Приходите после полуночи, если снимется броня – я вас обещаю поселить, а не получится – так и быть – отдохнете на креслах в нашем холле.

– То есть вещи – плащ и зонтик – я получить не могу?

– Да, молодой человек, только в девять утра.

Шла первая декада сентября, но погода в Киеве была не дождливая и теплая. Я поболтался по Крещатику, откуда прошел по переулку до Владимирской улицы, где плотно поужинал в пирожковой. Затем я наобум пошел в сторону Днепра и дошел до собора и, оттуда кружным путем, немного поплутавши, и слегка продрогнув, ближе к полуночи пришел в неприветливую гостиницу «Украина». Администратор меня пожалела и поселила в одноместный шестирублевый номер. Я, чтобы избежать повторения вчерашней истории, заплатил сразу за двое суток. Я проспал в номере до девяти утра, получил плащ и зонтик в камере хранения, отнес их номер, и сразу поехал в Объединение имени Королева.

Я ехал в метро и трамвае, и в дороге путем логических размышлений пришел к выводу, что в моем гостиничном инциденте косвенно виноват наш могучий русский язык. Видимо, адвокат принял обращенное к нему слово «Вы» за уважительное отношение к своей персоне, а администратор, сказавшая ему «вы» имела в виду нас обоих, и выписала меня вместе с адвокатом. Адвокат-спаситель об этом не знал, а мне двое суток проживания в Киеве, да еще с приключениями и вечерними одинокими прогулками по Крещатику и его окрестностям, обошлись в два червонца – что по тем временам было очень не дешево.

Апрель 2016 года

Блатной пассажир

В аэропорт Воронежа я приехал заранее. На рейс Донецк-Воронеж-Горький я зарегистрировался первым, и поднялся на второй этаж в зал ожидания. Часа через два приятный женский голос объявил, что посадка на мой рейс начинается. Я спустился вниз и присоединился к очереди из трех пассажиров, уже образовавшейся у нужной стойки. Вскоре пришел контролер – невысокая девушка в форменной голубой рубашке – и начала свою работу.

Первым пассажиром была женщина – контролер проверила ее билет, сделала отметку на листе, лежавшем на высокой подставке рядом со стойкой, и пропустила пассажирку на проверку багажа и посадку. Вторым шел мужчина. Контролер посмотрела его билет, обвела на нем штампик регистрации синим кружочком, и громко пояснила выполненные действия:

– Пассажир, пройдите, пожалуйста, к окошку четыре для повторной регистрации.

Мужчина пытался что-то спросить, но контролер уже занималась следующим пассажиром – женщиной с ребенком лет пяти. Мужчина немного потоптался у стойки и быстрым шагом направился к указанному окошку. Женщина с ребенком через минуту была отправлена на взвешивание багажа, проверку и посадку, и очередь дошла до меня. Контролер посмотрела мой билет, сделала отметку в листе, лежавшем на стойке, обвела кружочком мою регистрацию и сказала заученный текст:

– Пассажир, пройдите, пожалуйста, к окошку четыре для повторной регистрации.

Такая избирательность сразу навела меня на мысль, что на посадку не пропускают мужчин, а женщин пропускают, но, как оказалось, я ошибался. Вскоре у окошка номер четыре образовалась еще одна очередь, в которой были и мужчины и женщины и несколько детей разных возрастов. До вылета оставалось около сорока минут. Окошко было закрыто белой картонкой, а в стеклянной клетке рабочего места никого не было. Некоторые отсортированные пассажиры обращали возникающие вопросы в окошко номер три, к находившемуся там работнику аэропорта, и получили исчерпывающий ответ:

– Не беспокойтесь, без вас самолет не улетит.

Пришел мужчина в синем пиджаке с погончиками с одним золотым изогнутым шевроном. Пассажир, стоявший передо мной, был перерегистрирован на рейс Кисловодск-Воронеж-Москва с началом посадки через час, и рейс Москва-Горький и отправился к стойке номер два. Я подал свой билет. Старший контролер – это был он – крестом зачеркнул мою регистрацию и уже хотел отправить меня в кассу для выписывания новых билетов, но не успел, так как я возразил. И на это была причина – к этому моменту посадка у нашей четвертой стойки завершилась и никаких пассажиров, кроме тех, что стояли в первичной очереди, на посадку не пропускали – значит, места в самолете оставались, и я поинтересовался:

– Товарищ контролер, почему вы не оправляете меня на воронежском рейсе, там остались места или нет?

Контролер ответил:

– Мест в самолете из Донецка нет, мы вас отправляем на Москву в Домодедово, а оттуда вы будете отправлены в аэропорт назначения – Стригино, следовательно, в Горький.

– Нет, я не желаю лететь в Домодедово, отправьте меня сразу в Стригино.

– Я вам объясняю – мест на рейсе из Донецка нет, а если вы не желаете лететь – сдавайте билет или идите к дежурному по аэропорту.

И строгий старший контролер вернул мне мой билет, предварительно зачеркнув на кружочке и штампике крестик маленькими черточками. Теперь на моем билете, купленном, кстати, месяц назад – в июле – в центральной кассе Аэрофлота на проспекте Ленина в Горьком, в углу было нарисовано нечто похожее на мишень – в центре был штампик, поставленный на номер рейса, он был обведен кружком, кружок был перечеркнут большим крестом, и на кресте по краям были восемь зачеркивающих крест маленьких перпендикулярных черточек.

До посадки на мой рейс оставалось двадцать пять минут. Я пошел к дежурному по аэропорту. В большой комнате дежурного, разделенной надвое металлом – стеклянной перегородкой шла обычная работа. В зоне пассажиров никого не было. В зоне дежурных находились две женщины – работницы аэропорта. Одна, перед ней стояла табличка «Помощник дежурного», что-то изучала в многочисленных документах, разложенных на ее большом рабочем столе, вторая, когда я зашел, начала что-то тихо говорить в микрофон, укрепленный на ее столе, на гибкой подставке. Ее низкий грудной голос в усиленном виде донесся к нам из зала аэропорта:

– Товарищи пассажиры, посадка на рейс Кисловодск-Воронеж-Москва завершается, просим...

И тому подобное.

Дежурного по аэропорту в помещении не было. Помощник дежурного, у которой кроме документов на столе лежали наушники, из которых были слышны переговоры диспетчеров с вышки и пилотов, предвзяв мой вопрос, кивнула в сторону ряда стульев, прикрепленных у стены:

– Пассажир, вы к дежурному? Ожидайте.

Прошло еще минут двадцать. До отправления моего самолета оставалось не более пяти минут. Через дверь, ведущую во внутренние помещения аэропорта, пришел дежурный – мужчина в фуражке и с двумя золотыми шевронами на погонах. Он принес еще кипу документов и положил ее на стол помощницы и обратился ко мне:

– Пассажир, я вас слушаю.

Я молча подал ему мой изрисованный билет и паспорт. Дежурный изучил паспорт, затем сверил его с билетом и спросил помощницу:

– Наташа, что у нас с донецким рейсом?

– Донецкий, Леонид Маркович, посадку закончил, начал рулежку, взлет разрешен. Двадцать три пассажира с этого рейса, с посадкой в Воронеже, переоформлены на кисловодский рейс на Москву, посадка заканчивается. Один пассажир отказался от переоформления.

– Ну, так вон он и стоит перед нами.

Дежурный еще раз посмотрел в мой паспорт и предложил:

– Олег Николаевич, оформляем на кисловодский? Еще успеваем, скоренько все сделаем и домой? Наташа сама сейчас все сделает и прямо в самолет!

– Нет, я прошу меня отправить донецким.

– Ну, как, Олег Николаевич, вы не понимаете, лайнер на рулежке, улетает...

Наташа поправила:

– Леонид Маркович, минуту назад донецкий улетел.

– Видите, донецкий улетел, скоро кисловодский улетит, потом будет бакинский, что так и будете упрямыться? Говорите, Олег Николаевич, какое ваше решение?

– В город сейчас поеду к дежурному по Обкому, запишу ваши фамилии и буду на вас жаловаться. На ваше отношение к гостям города Воронежа. На ваше самоуправство.

– Прямо в Обком? А почему не в ЦК? Смотри, Наташа, у нас Олег Николаевич прямо в Обком намерен жаловаться на нашу работу. И кто там такую мелочь будет разбирать?

– Разберут. Они приглашали они и разберут.

Я вынул из сумки и подал дежурному пачку документов. Там были: приглашение на Всесоюзное совещание, письмо на мое имя из Воронежского обкома, согласованные в министерстве тезисы моего выступления, материалы совещания, цветной подарочный проспект города Воронежа, отпечатанный для основных участников совещания.

Леонид Маркович полистал документы, раскрыл материалы совещания, и обнаружил, что я выступал седьмым, а первым выступал знаменитый академик Патон из Киева. Совещание проводило Министерство общего машиностроения совместно с Воронежским обкомом, а на лицевой странице приглашения красивыми буквами было написано: «В год 40-летия Великой победы». Леонид Маркович вернул мне документы и спросил помощницу:

– Наташа, так что там за история с донецким?

– Леонид Маркович, донецкий прилетел из Жданова с хоккеистами, двадцать четыре места. Пришлось пассажиров отправлять кисловодским.

– Что за хоккеисты такие, откуда они в Жданове?

– Откуда я, Леонид Маркович, не знаю, а посадку на донецкий в Жданове провели по заявке Украинского республиканского спорткомитета, киевская хоккейная команда «Сокол» летит на турнир в Горький по приглашению горьковской команды «Торпедо».

– Наташа, золото ты наше, все знаешь, и не подсказываешь. Что мы не могли одного пассажира посадить на места экипажа в почтово-багажное отделение? Или не могли?

– Могли, конечно, два места были на взлете не заняты. Кто же знал, Леонид Маркович, что это гость Воронежа?

– А что на завтрашний донецкий?

– На завтрашний, субботний, Леонид Маркович, все места заняты, Донецк забрал и наш резерв, билеты на Горький уже спрашивали в кассе, пять или шесть пассажиров в зале ожидания ждут с пересадки.

Дежурный немного подумал и обратился ко мне:

– Да, Олег Николаевич, недоработочка вышла. А завтра суббота, и билетов нет. Сами понимаете, лето заканчивается, пассажиропоток с юга увеличивается. Опять же учебный год начинается, детей везут с курортов родители. Да....

Я прервал дежурного своей репликой.

– Скоро чемпионат, хоккеисты летят на предсезонные турниры, а мне как домой добраться из красивого города Воронежа? А я билет в июле купил, и вот не могу его реализовать. Это хоккеистов нужно было отправить кисловодским, а нас, пассажиров, отправить согласно купленных за денежки билетов. Разве не так?

– Это, Олег Николаевич, вы правильно говорите. Но такая практика, хоккеисты будут жаловаться, прибегут тренеры, задержат рейс. Любимая игра... Мы так сделаем. Я сейчас поселю вас, Олег Николаевич, в нашу гостиницу для пилотов, тут в аэропорту, и дам шесть талонов на питание в наш буфет, а для дежурного на завтра я оставлю записочку. Меня завтра не будет. Придете к Наташе за час до вылета, напомните, записочку покажете завтрашнему дежурному. Наташа кто завтра?

– Лузянин.

– Вот Лузянину Наташа отдаст записку, и мы вас отправим домой донецким. А в Горьком вас сейчас встречать будут?

– Нет, но думают, что я сейчас прилечу.

– Через полтора часа в Стригино будет посадка вашего рейса. А вы позвоните прямо от меня. Сообщите о ситуации. В книгу дежурства мы ничего писать не будем, согласны, Олег Николаевич? Зачем нам эта бюрократия!

Я кивнул головой, зашел за стеклянную перегородку и с телефона на столе дежурного позвонил к себе домой. Все пришлось сделать так, как и спланировал опытный Леонид Маркович. На следующий день я пришел из гостиницы в аэропорт и зашел в помещение дежурного. Незаменимая Наташа была на месте, она посмотрела на меня, улыбнулась и сказала:

– Тома, вызови Лузянина в дежурку, к нему посетитель, Олег Николаевич Лукин.

Диктор Тамара все тем же натренированным низким грудным голосом позвала по громкой связи дежурного на рабочее место. Минуты через три пришел дежурный – Лузянин. Он поздоровался со мной за руку, взял у Наташи записку, прочитал ее, и провел со мной такой инструктаж:

– Так, давайте паспорт и билет. Сейчас пойдем в кассу через служебный коридор. Будет скандал, билетов нет, пассажиры стоят и ждут освобождения мест, будут вас ругать. Никому не отвечайте, и мы вас посадим на места пилотов в багажное отделение. Готовы?

Мы пошли внутренним коридором к кассам. Когда дежурный Лузянин открыл дверь в клетку кассы, и мы встали на ее пороге, мне открылась следующая картина: окошко кассы было закрыто картонкой, кассир мужественно сидела на стуле лицом к закрытому окошку, слева и справа от окошка кассы стояли люди, желавшие стать пассажирами, и они так перегородивали всю стеклянную перегородку плотной живой массой и так напирали на нее, что казалось, что она сейчас не выдержит и рухнет внутрь. Наше появление с тыла кассы вызвало у граждан море эмоций, будущие пассажиры бурно и громко негодовали:

– Опять блатного привели...

– Когда кончиться это безобразие...

– Кассир, не отпускайте билеты налево...

– Девушка, я с ребенком стою с вечера...

– А говорят, что участникам и ветеранам все дороги открыты, а билеты продают толстым бугаям...

– Дежурный должен следить за порядком, а он себе на карман зарабатывает...

– И не стесняются, пилоты...

И все в этом духе. Особенно негодовала женщина, стоявшая в очереди первой. Она сверкала выпученными карими глазами, всячески старалась обратить на себя внимание кассира и дежурного, и пыталась затеять ссору со мной, вызывая меня на словесную дуэль. Муж, стоявший рядом с ней, что-то ей тихо говорил, но это ее не успокаивало. Я узнавал в ее поведении манеры жительницы Заречной части моего города, но вступать с ней в дебаты мне запретил дежурный. Самым мягким выражением, которое она отпустила в мой адрес, было:

– Чё вылупился, сволочь блатная?

На все это дежурный Лузянин, чтобы снизить накал потока обвинений в свой адрес сказал:

– Граждане, успокойтесь. Никаких балетов кассир не выписывает. Билеты на все свободные пассажирские места будут выписаны после загрузки донецкого рейса. А это наш сотрудник, он действительно летит на Стригино – Горький, но летит по посадочному талону на служебных местах для пилотов.

Билет, он же талон, мне был выписан. Лузянин попрощался со мной за руку – он понимал, что я тоже серьезно пострадал от действий вчерашней дежурной смены аэропорта, и поручил контролеру отвести меня в самолет. В самолете стюардесса просмотрела мой багаж – спортивную сумку и посадила в передний багажный отсек на откидное кресло пилота прямо напротив посадочного трапа. Вскоре самолет наполнился пассажирами, – донецкими, летевшими до Горького, и новыми – воронежскими. Стюардесса стояла рядом со мной и вела переговоры по радиотелефонной связи. До вылета оставалось около пяти минут. Я услышал такой диалог:

– Борт 2170, рейс Донецк-Воронеж-Горький. Имеем два места.

– Вас понял, борт 2170. Продаем два места. Ожидайте.

Через пять минут по трапу в самолет поднялись запыхавшиеся пассажиры. Первой на борт нашего лайнера вступила раскрасневшаяся дама в светлом брючном костюме и туфлях на высоком каблуке – это была та самая предполагаемая жительница горьковской заречки, назвавшая меня сволочью, за ней на борт поднялся лысый мужчина в белой курточке с двумя тяжелыми чемоданами – муж раскрасневшейся дамы. Пока стюардесса проверяла билеты, дама увидела меня на кресле пилотов, но ничего не сказала, и презрительно отвернулась. Через минуту два счастливых пассажира – муж и жена – единственные кому были проданы перед вылетом билеты на наш рейс, стали пробираться по проходу в самый хвост пассажирского салона. Я думаю, что эпизод со мной еще более укрепил даму в ее мнении, что все везде по блату и обычный человек, каким, скорее всего, и был ее лысый муж, ничего с этим поделать не может.

А был ли я действительно блатным пассажиром? Ответ неопределенный.

Когда самолет набрал высоту, то стюардесса выполнила необходимые объявления, вернулась в мой отсек, задернула шторку в пассажирский салон и спросила?

– Черный кофе будете?

– Буду!

– Вам с сахаром?

– Двойной кофе и, если можно, без сахара.

– Сейчас пилотам сделаю, а потом нам!

И я понял, что я все-таки блатной пассажир, хотя бы в полете.

Апрель 2016 года

День Красной Армии

День Красной Армии в том году приходился на субботу. Я был в Донецке второй раз, а Валера, мой сослуживец – первый. Обстоятельства вынуждали нас продолжить работу в Донецке еще минимум до вечера вторника, поэтому, что делать в чужом городе в субботу и воскресенье было загадкой.

Важным фактом для этого повествования служит то, что Валера был украинцем, хотя в паспорте был записан как русский. Его отец прекрасно говорил на украинском языке. Валера тоже отлично говорил на украинском, и выучил украинскому языку двух сыновей.

Часов в десять мы покинули гостиницу «Шахтер», в которой проживали, и зашли в столовую напротив, чтобы перекусить. Пожилая гардеробщица приняла наши пальто и внезапно предложила:

– Мальчики, выручите, купите виноградной водочки.

Прямо в гардеробе стояли несколько ящиков местной водки, разлитой в большие зеленые бутылки. Праздник начинался весело. Мы поели пельмешек, выпили чаю с ватрушкой и вышли на улицу. Откуда-то издалека доносились звуки оркестра. Валера предложил:

– Олег, пойдем, прогуляемся. Два дня в Донецке, а город не видели.

Мы пошли по улице к проспекту (Артема, если не ошибаюсь), а дальше по нему направо на звуки оркестра. Было тепло, Валера снял шляпу, а я фуражку. Фуражку я засунул в карман пальто, а шляпу Валере пришлось тащить в руке. В киоске, расположенном у перекрестка, продавали мороженое. Валера купил фиолетовое фруктовое мороженое в картонном стаканчике, и мы остановились на солнышке у киоска. Валера медленно поглощал мороженое с помощью деревянной палочки, а я просто стоял рядом и держал Валерину шляпу. Киоскерша через пару минут обратила на меня внимание:

– Мужчина, а по случаю праздника у нас водка в разлив, пирожки с вишней на закусочку. Не желаете?

Донецкий праздничный сервис удивлял. Мы стали продвигаться ближе к оркестру. Народ на улице прибавлялся. Наконец, мы достигли уровня оркестра – он играл в парке, а невдалеке от него стояла большая толпа митингующих с какими-то плакатами. Я немного знал Валерин характер, поэтому сказал:

– Валерий Батькович, пойдем назад, там в том конце проспекта есть, я знаю, универмаг с польскими товарами. Посмотрим?

Валеру это предложение не устраивало, и мы перешли через улицу, и подошли к толпе. Митинг был посвящен тому, что украинцев нельзя призывать служить в армию вне Украины. Люди, выступающие на антивоенном митинге, по очереди поднимались на трибуну, установленную слева от здания почтамта, и на прекрасном русском языке ратовали за права украинцев. Я молчал, а Валера внимательно слушал и качал головой. Вдруг он решил и дернулся вперед к трибуне, я едва успел его ухватить за руку. Он пытался вырваться со словами:

– Олег, пусти, сейчас я этим провокаторам расскажу кто такие настоящие украинцы.

Но я был намного сильнее и, используя это преимущество, стал оттаскивать Валеру от толпы в сторону оркестра по площади. На нас стали обращать внимание. Со стороны это выглядело так, что я не даю своему другу сказать слово на митинге, посвященному борьбе с военным призывом. Но я то знал, что Валера хочет залезть на трибуну и на украинском языке объяснить, что украинцы должны не только служить в Красной Армии, а быть там лучшими. Через минуту мозг у Валеры охладился, и он покорно пошел со мной по проспекту к далекому универмагу.

Когда мы отошли на достаточное расстояние, то я сказал:

– Валера, не мешай людям отдыхать. Нам эти шахтеры, не желающие отправлять своих детей в армию, просто набьют морду. Мне набьют мою русскую морду, а тебе твою украинскую. И крепко набьют, и будут правы.

– А почему будут правы?

– А потому, что вот эти дончане, – и есть теперешние украинцы. А тебя, хотя ты и украинец, они своим не считают, ты для них чужак, живущий на Волге, и кроме как по морде, ты здесь ничего не получишь. Ну не считая виноградной водки в разлив и пирожка с вишней. Усек?

Валера согласен с этим не был, но спорить не стал, а получать от шахтеров по морде ему все же не хотелось.

Апрель 2016 года

Антенна

На Северный полигон в Мирный я ехать не хотел. Очередь была не моя, вообще это была не моя стойка, но завлаб Сидоров все это не учитывал, он вызвал меня и Толю Аникина и сказал голосом, не допускающим возражений:

– Толя, берешь Олега и дуешь в Мирный менять плату в стойке системы «Берилл». На все про все у вас семь дней – два туда, три там, два назад. Все понятно?

Толик кивнул. Так я поехал в Мирный.

В Мирном стоял мороз, и дул с севера противный ветер, – он сдувал с высоких сугробов, громоздившихся вдоль всех тротуаров, и бросал редким прохожим за шиворот колючие ледяные снежинки. Мы с Толей поселились в гостинице, а утром пошли пешком в управление, к которому относилась нужная нам войсковая часть. Подполковник – заместитель начальника отдела – принял нас по-доброму. Он расспросил Толю о цели нашего неожиданного для него визита, и, когда узнал номер нашей части, обрадовался. Он сказал:

– Мужики, ехать вам семьдесят верст, мотовоз туда не идет, поэтому поедете со мной, завтра с утра. Я сам закажу машину, и оформлю вам пропуска; а сегодня отдыхайте, но без глупостей.

Рано утром машина подполковника подхватила нас из гостиницы, и мы поехали по бетонке, очищенной грейдером от снега, в далекую войсковую часть. Подполковник – его фамилия была Беленко – ехал в часть по рутинным делам, а нас он захватил просто с okazji. Всю работу мы выполнили за три часа – к двум часам дня, и пришли к зданию штаба. Беленко увидел нас в окно, вышел и спросил:

– Отстрелялись, или проблемы?

Толик подтвердил, что мы «отстрелялись», на что Беленко сказал:

– Мужики, сейчас мы дойдем до вышки связи, там мне бойцы откручивают со второй площадки телевизионную антенну. Заберем ее и живенько поедем, лады?

Около вышки была бетонная площадка, очищенная от снега. Я, Толик Аникин, Беленко и зам командира части по измерениям, презентовавший телевизионную антенну подполковнику, стояли небольшой толпой на этом бетонном островке посреди необъятной снежной тундры. Выше нас метров на шестьдесят три солдата в белых тулупах уже открутили антенну от вышки и приготовили ее к спуску на толстой киперной ленте. Зам командира махнул им рукой, и бойцы начали спуск антенны вниз. Мы с Толей были одеты не по погоде, мерзли на легком, но холодном ветру, и стояли, задравши головы вверх. Медленно, как нам казалось, антенна спускалась с довольно приличной высоты.

Все шло хорошо, но неожиданно ветер поменял направление и дунул разок сильнее. Антенна, привязанная на киперной ленте, как пушинка была отброшена от вышки, а при обратном движении лента завилась вокруг вышки на полтора оборота.

Заместитель только успел крикнуть, – «Не дергай!», но бойцы уже дернули. Дальше все случилось мгновенно. Лента лопнула, и антенна понеслась нам на головы, так стремительно, что мы не успели ни о чем подумать. В двух метрах от нас она с грохотом ударилась о бетонную площадку, и разбилась на десяток осколков, а главная ее часть подскочила как баскетбольный мячик, улетела под откос, пробила наст и зарылась метрах в десяти от нашей площадки в глубокий снег.

Заместитель уже через четверть минуты выложил в адрес неловких бойцов весь запас отборного северного мата. Беленко оказался сдержанным человеком, он посмотрел на осколки подарочной антенны, и выразил недовольство скупыми словами:

– Да, Виктор, у тебя то понос, то золотуха! Ладно, не провожай, мы поехали.

Мы закурили и вместе с Беленко пошли по тропинке к нашей машине, стоявшей у здания штаба. В машине для нас, как промышленников, по сложившейся северной традиции были приготовлены подарочные «консервы» – две трехлитровые банки отборной клюквы залитой спиртом. С этими подарками мы и уехали из части. Беленко ехал в плохом настроении и без подарка – его антенна, чуть не отправившая нас на больничные койки, восстановлению не подлежала. Когда мы подъезжали к управлению, Беленко нас попросил помалкивать, он грустно покачал головой и тихо сказал:

– Мужики, всего этого не было, вы поняли?

Мы понимающе кивнули.

Апрель 2016 года

Чудеса и приключения

Я шел по улице Родионова, когда из стоявшей на обочине машины меня окликнули:

– Олег Николаевич, сколько лет, сколько зим!

За рулем синего «Опеля» находился мой бывший дипломник Витя Севастьянов. Витя вылез из машины, преодолел полосу газонной грязи, вышел на асфальт тротуара и мы поздоровались.

– Витя, здорово, та-ак... И сколько лет прошло?

– Пятнадцать Олег Николаевич!

– Что-то я тебя давно не видел, куда то ты, Витюша, запропал?

– Нет, Олег Николаевич, это вы первый ушли к автомобилистам, а я еще три года пахал как конь савраска в родимом заведении.

– Точно, склероз, Витюша, проклятый склероз.

– Шутите, Олег Николаевич, это у вас то склероз.

– Что Витюша подельываешь?

– По порядку?

– Давай по порядку.

– Окончил заочно литературный институт, ушел в газету «Рабочий», писал очерки, и стихи к праздникам, книжку издал.

– Витек, какие такие стихи? Серьезно говоришь?

– Ну, конечно, а в лаборатории я про литературный институт никому не рассказывал, чтобы не дразнили, знаете какой у нас народ, заклюют.

– Это они могут, а дальше?

– Газета закрылась, ушел в новое издание «Чудеса и Приключения», выпускающий редактор была моя подруга. Все местные сообщения и очерки в «Чудесах» писал.

– Что ездил по Поволжью, собирал материал, страхи разные.

– Зачем ездить, просто писал. «Чупакабра в Тоншаевском районе», «Святое Озеро», «Тайна заброшенной штольни», это все мое, может, читали?

– Я, признаюсь, не читал. Но Андрюша мой сослуживец, покупал «Чудеса», читал в электричке, нравилось ему. И что дальше?

– А потом я поругался с редактором, на личной почве, ревнивая очень подруга, и теперь в «Бирже». Рекламирую водку, чипсы, колбасу. Принимаю другие заказы.

Виктор подал мне визитку. На ней было написано «Виктор Севастьянов. Реклама»

– Понадоблюсь, звоните, Олег Николаевич. Рекламу даю чудесную. Опыт есть.

Апрель 2016 года

Компьютеры

Я тогда работал в автомобильном институте заведующим сектором. Вызывает меня как-то по весне к себе директор, назовем его, – Дмитрий Владимирович, и так говорит.

– Ты, Олег, вел договора с Ульяновском, как там – навел мосты?

– А, что, Дмитрий Владимирович, претензии есть от покупателей?

Я тогда узики получал с завода, штук тридцать, наш институт их толкал в Москву, а москвичи, по слухам в Швейцарию. Швейцарцы делали новый герметичный салон с кондиционером и толкали узики в Африку – в какую-то пустыню.

– Да нет, Олег, по узикам все без претензий. Компьютеры нужно продать в Ульяновск. Москва просит распределить штук пятьдесят, на тебя падает десяток. Справишься?

– А чей товар, барахло какое-нибудь? Ульяновцы, не гляди что тихие, отберут у меня пропуск министерский, и больше к ним не сунешься.

– Тут все нормально. Военные летчики везут с Тайваня через Вьетнам. Тайваньский товар, брака нет. Мощные «эйтишки», принтер хороший, монитор большой, а цены маленькие.

В Ульяновске я знал заместителя генерального по АСУ. Я ему позвонил, и полетел. Прямо из аэропорта я доехал по проспекту до завода, подземным переходом прошел в проходную, а по «краснополосому» министерскому пропуску вошел на заводскую территорию. В Ульяновске тогда работало очень много вьетнамцев – каждый третий встречный на территории – был вьетнамец.

Прихожу к заму генерального, поздоровались. Зам спрашивает:

– Ты что, Олег, заделался компьютерщиком? Втюхиваешь гнилой товар провинциалам?

– Нет, говорю, задание такое. Если нужно можно целевые деньги попробовать в Москве надыбать, да за собственные будет вам все много дешевле.

– Да мы уже надыбали, да не просто надыбали, а на два года закрыли вопрос. Генеральный, если узнает, что прошу на компьютеры денег, пепельницей может в меня кинуть.

– Что, так все остро?

– Да, острее некуда, пойдём – покажу.

Заместитель провел меня по всему длинному этажу корпуса, и мы поднялись на лифте на самый верхний этаж. Там располагался машинный зал. Заместитель отпер дверь, включил в зале свет. У стены стояли с десяток машинных станций – рабочих мест конструктора, накрытых полиэтиленом. Он отбросил полиэтилен на одном рабочем месте, сел на при-

крепленный стул и включил станцию. Это было рабочее место конструктора фирмы «Сан». Монитор был очень большой, все было удобно сделано и хорошо продумано.

– Вот эти монстры скушали весь наш компьютерный фонд.

– А что не отдаете конструкторам, а тут держите?

– В том то и вся загвоздка!

Заместитель нажал на какие-то клавиши на клавиатуре, и на экране возник чертеж самолета. Он еще потыкал по клавишам – чертеж увеличился, и вскоре дошел до уровня отдельных деталей. Я такого никогда не видел.

– Что, нравится?

– Неплохо!

– Вот именно, что не плохо, но уж точно совсем не хорошо.

Оказалось, что меня опередили питерцы, они заманили генерального из Ульяновска в загранкомандировку в Финляндию, и там он выбрал эти американские суперстанции (для своего времени, разумеется). Но генеральный допустил серьезный ляп – не купил программу разработки по автомобильной тематике, а, скорее всего, его просто обкрутили, как полного лоха. Когда вопрос вскрылся, и кинулись искать программу – она оказалась по цене равна трем станциям. Питерские коммерсанты стали в Ульяновск не въездными, да им на это было наплевать.

– А использовать их как обычные компьютеры, спросил я, это же можно?

– Так поломают, а лимон долларов, для нас денежка нешуточная. Тут пусть стоят. Ты, Олег, знаю, не болтливый человек, объясни у себя, что, мол, потом чего-нибудь купим. Бери лучше узики, эта машина хоть и простецкая, но с ней все понятно. Позванивай, не забывай друзей.

Я перекантовался ночью в Ульяновском аэропорту, а утром улетел домой. Может быть, наш директор знал об ульяновской проблеме, а может быть, не знал, но особо меня за срыв задания не ругал. Наверное, знал, но проверялся.

Апрель 2016 года

Из сборника «Короткие рассказы»

Рассказ 2. Дневник

Утренняя боль в костяшке большого пальца правой ноги была настолько сильной, что я проснулся. С трудом доковыляв до кухни, я сел на край ванны, заткнул сливную дырку резиновой пробкой на цепочке и открыл кран горячей воды. Вода текла жидкой желтенькой струйкой. Я поставил ногу в ванну и минуты через три, когда вода потеплела, боль понемногу выпустила мою ногу из своей волчьей зубастой пасти.

События вчерашнего дня продолжали стоять перед моими глазами. Мысли всплывали. «Какая необходимость была вести этот дневник?», «Зачем об этом писать?»

Чайник закипел и известил об этом паровозным свистком. Я высыпал в кружку остатки кофе, кинул ложку сахарного песка, налил кипятка. Дешевый кофе обжигал. «Такие приказы никому не нравятся». «Все знают, что это происходит, но никто не признается – это делал я, берите меня тепленьким!».

Я открыл балконную дверь – балкон в моей старой сталинке был на кухне. Серый осенний ветер принес капельки дождя, сырость и свежесть. «Писатель, блин». «Пиши о детстве, о старости и прочей дребедени, но не подставляй других.»

Прежний хозяин квартиры – я получил ее три месяца назад по ордеру как ветеран спецопераций – был человек со странностями, поэтому эмалированный таз я нашел не сразу. Нужный мне предмет гигиены оказался засунут за платяной шкаф в прихожей. За шкафом кроме таза я обнаружил оплетенные пыльной паутиной старые журналы с глянцевыми пожелтевшими обложками и газеты. «То, что нужно!», подумал я.

Сухие газеты загорелись быстро, но с журналов пришлось ободрать обложки, – с ними журналы гореть не желали, а тлели и чадили. Когда ритуальный костерок в тазу, который я поставил на кухне, разгорелся, я кинул в огонь жертву – тонкую тетрадку в голубой обложке. Огонь радостно схватил свою новую добычу и принялся ее грызть с трех сторон. Тетрадная страничка с надписью «Дневник» гордо отвернулась от меня и исчезла в желто-красном пламени. Чтобы не видеть дальнейших мучений моего голубого пленника, я набросил на него сверху саван из красочных журнальных обложек.

Бумажный горячий пепел из таза я пересыпал в воду, накопившуюся в ванной, перемешал воду веником и открыл пробку ванной. Когда грязная смесь отправилась в путешествие в лабиринты городской канализации, я обтер ванну и таз веником, после чего бросил его через дверь на балкон для просушки. Ритуал был завершен.

В прихожей я снял трубку с черного массивного телефона без номеронабирателя и попросил ответившего оператора: «Дайте Кирилл 233—236». После соединения я сообщил невидимому абоненту: «Дневник ушел вслед за своим хозяином», и положил трубку. Никому не нравятся такие приказы, но они отдаются и их исполняют.

Нижний Новгород. 4 ноября 2015 г.

Рассказ 3. Торф

В город я приехал на заработки пять лет назад. Земляк из Великих Лук – такой же как и я бывший вечный аспирант – так мы укрывались от военного призыва – сосватал меня в жилищное товарищество в старой части города на должность дворника. Три года назад к этой должности прибавилась должность истопника – когда нам за неуплату коммерсанты отключили тепло и горячую воду. Начальник нашего жилищного товарищества оказался ушлым малым, он дал в мэрии на лапу кому следует, и получил разрешение на эксплуатацию пяти военных мини-котельных на торфе для отопления с их помощью пяти наших домов.

Так на моей территории у дома №10 в 3-м Горном переулке появился зеленый фургон котельной и огромная гора торфа у его правого борта. В мои обязанности входило обеспечивать работу котельной – выгрести золу и загружать торф. Работа была тяжелой, но я справлялся.

Третья зима моей «торфяной» эпопеи выдалась снежной, но теплой. Расход торфа был не так велик, и до марта торфяная гора убавилась лишь наполовину. Как обычно утром за два часа (с шести до восьми) я выгрузил золу и загрузил новую пачку торфа на конвейер топки. После загрузки торфом котельная в режиме автоматической работы могла бесперебойно подавать в дома тепло до следующего утра. Мартовское солнце улыбалось и припекало. К обеду я очистил все тротуары и дороги моего участка от наледи и посыпал их смесью соли и песка. И после этого, как обычно, пошел посмотреть, как работает котельная.

Я подходил к котельной со стороны торфяной горы, и неожиданно обратил внимание, что в озерце талой воды у ее основания плавают маленькие темно-красные спиральки. Солнце светило ярко и шапка снега на горе сильно подтаяла, в одном месте на самом верху торфяной горы из-за брикета торфа торчало что-то блестящее. Я надел очки и увидел – из торфа высунулся каблук коричневого зимнего ботинка. Я взял лопату, подставил лестницу и под слоем торфяных брикетов обнаружил тело мужчины в длинном кожаном пальто. Сгусток крови, запекшийся на пробитой голове несчастного, оттаял, и маленькие водяные кровавые капельки висели на кончиках волос его довольно пышной шевелюры. Когда я лопатой полностью очистил от снега найденное тело, то почувствовал тошнотворный трупный запах.

Полицейские быстро опознали тело – найденный мной мужчина пропал в прошлом году в декабре. Тогда, четыре месяца назад, поиски, которые велись по всему городу, ничего не дали, и вот тело пропавшего оттаяло совсем недалеко от его постоянного места жительства. Бедняга жил не в домах нашего товарищества, и злодеи подбросили его на мою территорию.

Следователь – капитан полиции – сняла с меня показания и взяла подписку о невыезде. Она долго меня допрашивала, и делала в своем допросе упор на то, что я весь отопительный сезон не расходовал торф так, как было предписано инструкцией, то есть не снимал его сверху слой за слоем, а брал брикеты для топки с краю торфяной горы. К тому же дотошный капитан (на вид – моя ровесница) не верила моим показаниям о том, что я за всю зиму ни разу не почувствовал трупного запаха.

Подозрения с меня были сняты через месяц. Во-первых, жильцы показали, что я и в предыдущие зимы ленился, нарушал технику безопасности и подкапывал торфяную гору

сбоку, что могло привести к ее обрушению и моей травме. Во-вторых, следователи согласились со мной, что едкий запах торфяной гари (мы применяли самый низкосортный торф), который шел от котельной, способен заглушить трупный запах, и я мог его до поры до времени не почувствовать.

В товариществе мне объявили строгий выговор и лишили премии за первый квартал (которую никогда мне и не выплачивали) и я продолжил работу. Прокуратура выдала частное определение о несоблюдении в нашем товариществе техники безопасности, что косвенно способствовало сокрытию следов преступления. Кто пал жертвой преступников в этой истории, – я не знаю.

Нижний Новгород. 4 ноября 2015 г.

Рассказ 8. Мама

С сегодняшнего дня у меня будет мама. Своя мама. Я росла в пансионе для детей ополченцев. Кто были мои родители – было неизвестно. Эвакуация детей из Мореи велась так быстро, что не сохранилось никаких документов – корабль не мог брать лишний груз. В день отплытия мне было три года. Я не помнила свою маму, а отца не могла помнить по определению – он воевал и не видел меня ни разу. Наш ракетный фрегат с боями пробился по морю на запад, затем на северо-восток и укрывся в проливе на заполярных островах.

Я помню, как нас на руках передавали с борта фрегата на берег, потом мы в холодном фургоне ехали далеко-далеко. Потом нас пересадили в низкие вагоны, и мы поехали внутрь огромной каменной горы. Наш состав тормозил, открывались ворота, поезд вползал на промежуточную станцию, где его поливали струи оранжевой горячей воды – так проводили дезактивацию (я уже знала это слово). Процедура повторялась несколько раз.

Наконец мы приехали на базу. Нас, детей, отвезли в пансион. Здесь уже были дети с Дуная, из Трансильвании, из Добруджи – и вот приехали мы – из Мореи. В общей группе пансиона я провела четыре года.

Я быстро выросла, мое здоровье было практически в норме – я почти не пострадала при взрыве и нейтронной атаке. В семь лет я поступила в общую школу для детей – беженцев из Юго-Восточной Европы. И, наконец, у меня появилась своя мама.

Мама воевала в Малой Азии, ее грудь украшали две медали и три нашивки. Я подошла к ней и представилась: «София». Мама поцеловала меня в лоб, для чего мне пришлось наклониться. Она спросила: «София, ты помнишь свою настоящую фамилию?» «Нет», ответила я, «В пансионе мне дали временную фамилию Астипалея». «Теперь, София, ты будешь иметь постоянную фамилию – Лукинская. София Лукинская. А я твоя мама – Елизавета Лукинская. Запомнила?»

Я кивнул головой, взялась за ручки инвалидной коляски моей мамы, и повезла ее к лифту. Теперь мы будем жить вместе. Я буду ухаживать за мамой, а через восемь лет напишу заявление и пойду добровольцем на войну. Мне нужно отвоевать свой остров – остров Астипалея в Морее, ждать осталось недолго.

Нижний Новгород. 1 ноября 2015 г.

Рассказ 9. Призер

Я родился в Латвии в семье олимпийского чемпиона 20... года по нордическому дуатлону. Отец рано стал приобщать меня к спорту, в десять лет я прилично бегал на лыжах и стрелял из лука – то есть пошел по стопам отца.

В двадцать четыре года я был включен в сборную республики и поехал на зимнюю Олимпиаду в Преторию. Это был удачный для меня год – пик моей спортивной карьеры. В забеге на 15000 метров с тремя стрельбами мне удалось подняться на трибуну почета. Я не стал призером, но участвовал в цветочной церемонии, как занявший пятое место.

Время шло – мои результаты падали. В двадцать восемь лет я не попал в состав своей национальной сборной, переехал в Австрию, натурализовался там и принимал участие как австриец в коммерческих турнирах. Команда Австрии по дуатлону потеряла спонсора, и моя карьера действующего профессионального спортсмена – дуатлониста практически завершилась. Через год я перешел из дуатлона в биатлон, сменил лук на винтовку и уехал в Сингапур – местные власти решили развивать зимние виды спорта.

В Сингапуре дела шли весьма вяло, и передо мной остро встал финансовый вопрос – как содержать жену и двоих детей, продолжавших жить в Австрии. Поэтому, когда мне поступило первое предложение по работе смежного профиля, – я вынужденно согласился. За первым предложением поступило второе, третье. В новой команде я получил официальный позывной «Призер».

Объект был заслонен от меня углом транспаранта. Колонна двигалась, и ветер то отодвигал транспарант и я видел объект, то транспарант вновь его закрывал. Я послал код «33, объект не вижу». Три секунды спустя я увидел в сетчатом поле объектива, как люди в центре колонны неожиданно дернулись, пригнулись, откуда-то появились крепкие парни с пластиковыми щитами. После этого я выключил свою аппаратуру и эвакуировался.

Через два часа, когда в новостях прошло ожидаемое мной сообщение, я понял – задание группа «Призера» выполнила, значит еще четыре месяца жизни в Австрии для моей семьи обеспечено.

Нижний Новгород. 2 ноября 2015 г.

Рассказ 10. Туристы

Из Одессы в киевский аэропорт Борисполь я прилетел заранее. До моего вылета в Нью-Йорк оставалось четыре часа. Я зарегистрировал свой билет на рейс 5124 компании «World» и пошел в кафе. Мне предстоял перелет третьим классом через океан, я не оплачивал питание в полете, и нужно было подкрепиться. Целью моей заокеанской поездки была Ежегодная научная конференция по физике моря, на которой я делал небольшое сообщение от Одесского объединенного университета.

Процедуры досмотра меня и моих вещей прошли без замечаний. Я и еще несколько моих попутчиков неторопливо поднялись на борт лайнера «Boeng Y4», и прошли в салон третьего класса, где нас и ожидал сюрприз. Первые десять-двенадцать рядов кресел в салоне были заняты пассажирами. Судя по всему – это были китайские туристы. Они не обратили внимания на наше появление, громко разговаривали, смеялись, некоторые жевали фирменные китайские сэндвичи, которые они доставали из шестиугольных бумажных пакетов-фонариков, и запивали их лимонной сахарной водой.

Стюардесса – мулатка в белых гетрах, синих форменных шортах и полупрозрачной голубой рубашке с погончиками – была немало удивлена нашим появлением. Она попросила пройти нас в хвостовую часть салона, забрала наши билеты и удалилась к пилотам. Вскоре появился сотрудник охраны аэропорта и попросил «до выяснения обстоятельств» всех нас оставаться на месте.

Время тянулось. Наконец, симпатичная американская стюардесса принесла и раздала нам новые билеты, при этом она извинилась за сбой в работе службы билетного сервиса международного аэропорта Борисполь, к которой не имела никакого отношения.

Служба посадила нас непосредственно в группу туристов – действительно китайских – на пустующие места. Мне досталось место 421 в третьем ряду справа. Слева от меня располагалась китаянка лет 20—25, справа молодой китаец лет 18—19.

Мы разговорились. Веселые люди входили в состав китайской туристической группы, которая совершала экстремальный туристический тур вокруг Земли. Объектами их интереса были места термоядерных катастроф. Они уже посетили взорвавшийся не так давно могильник ядерных отходов в Австралии, станцию Фукусима-Даичи на побережье Японии, города Хиросима и Нагасаки, наш старинный атомный саркофаг в Чернобыле, и держали путь в канадскую провинцию Онтарио к руинам атомной станции Брюс.

Я спросил туристов, не боятся ли они за свои жизни – они заверили меня, что современные защитные костюмы обеспечивают полную защиту и им боятся нечего.

Пока мы беседовали на эту приятную туристическую тему, лайнер Y4 набрал высоту, достиг крейсерской скорости и, как объявила милая стюардесса, пересек географическую линию западного побережья Балтики. В правом иллюминаторе можно было видеть бесконечную облачную равнину, подсвеченную ярко-желтым солнцем. Я надвинул черные наглазники, надел наушники и попытался заснуть. Следующее утро я встретил в Нью-Йорке.

Нижний Новгород. 4 ноября 2015 г.

Рассказ 11. Молоко

Какое бы блюдо вы не взяли в нашей районной столовой, знайте – оно было приготовлено из семи-восьми исходных продуктов с добавлением витаминов и микроэлементов. Мне об этом «кулинарном секрете» поведал мой школьный дружок Витька Голубев по кличке Голубь. Он до выхода на пенсию работал грузчиком в столовой, такой же как наша, но в другом районе, поэтому эту тему знал хорошо.

Голубь рассказывал, что в его столовую солдаты всегда привозили с базы одинаковые двадцатикилограммовые коричневые бумажные мешки с такой маркировкой:

- «протеин порошковый»;
- «мука кукурузная»;
- «сахар тростниковый»;
- «соль поваренная»;
- «крахмал картофельный»;
- «маргарин пальмовый»;
- «кисель яблочный/грушевый порошковый искусственный» (изредка вместо киселя присылали «яичный порошок искусственный»).

Ничего другого за десять лет работы в столовой Голубь не видел. Поэтому, если вы брали по меню даже «биточки куриные с подливой» – это была ловкость поваров, не более того. Голубь – Виктор Голубев – покинул наш мир два года назад, но, я думаю, продуктовый ассортимент столовых не поменялся.

Специальные распределители для людей первого и второго ранга пока существовали, но их ассортимент был не только не доступен мне по рангу, но и был мне не по карману. Впрочем, если не знать чудес поварского искусства для бедных, то питаться в столовой третьего ранга и не умереть с голоду или от скудности рациона было вполне возможно. Собственно у нас выбора не было – другие источники пищи были закрыты так давно, что все мы уже и забыли об их существовании.

В январе накануне крещения я как обычно шел утром в столовую и повстречал Вальку Сидорова – Сидора, с которым до пенсии работал на одном номерном заводе. Сидор спросил меня: «Как дела, Паровоз?» (это моя кликуха – от фамилии Паровозов). «Не сдох, покуда», – отвечивал я Сидору.

Сидор неожиданно подмигнул мне и шепотом сказал: «Паровоз, в столовой на Малой Садовой сегодня всем пришедшим дают по большой кружке теплого молока и по куску кукурузного хлеба. Хочешь – сходим, а завтрак пропустим». Новость удивляла. «А если не дают?», – стал я сомневаться. «Точно дают, верняк, знающие люди шепнули», – отвечивал Сидор.

Мы пошли на Малую Садовую. За три квартала до нужной нам столовой уже началась очередь «знающих людей», стоящих за кружкой молока. Периодически мимо нас в обратную сторону проходили люди, которые подтверждали – всем дают молоко и хлеб, но раздача завершится в одиннадцать часов. Наша очередь медленно подвигалась, мы должны были успеть.

Погода в этот день была не очень морозная, но два часа на улице сделали свое дело, когда я вслед за Сидором зашел в столовую, то дрожал всем телом. Мы сели за стол, подавальщица принесла нам по кружке теплого молока и два ломтя хлеба на тарелке, и строгим голосом попросила долго не задерживаться. Я мелкими глотками выпил из кружки белую сладковатую влагу, и тотчас почувствовал, как она потекла по пищеводу в мой холодный пустой желудок и наполнила меня изнутри таким приятным живым теплом, которого я давно не испытывал. А может быть, мне это только показалось.

Хлеб я есть не стал, а завернул в тряпицу, приготовленную заранее именно на этот случай, и сунул во внутренний карман телогрейки. Солдат, дежуривший на выходе, внес наши фамилии в базу лиц получивших от армии январскую помощь, и мы вышли из столовой.

На улице Сидор спросил меня:

«Паровоз, как думаешь, – это было натуральное индийское буйволиное молоко, или искусственное соевое?»

Я подумал и ответил:

«Сидор, это было молоко, а какое – мне без разницы».

И мы пошли в свой район.

Нижний Новгород. 5 ноября 2015 г.

Приключения агента Эжена

От автора

*«Отведите этого субъекта вниз, в канцелярию...
Парень здоров как бык... Он думает,
что мы здесь только для потехи,
что военная служба – шутка, комедия...»*

Ярослав Гашек

«Похождения... Швейка...»

Правда

Я, Себастиан, Вилли и Карел сидели за овальным дубовым столом в кабачке на Виноградах и поджидали Илюшу и Женю. Друзья как обычно опаздывали. Пятый участник нашего ожидания спал. Его кудрявая голова мирно покоилась на свернутом валиком расшитом полотенце, которое ему уважительно подал хозяин – спавший был завсегдаем его кабачка, а мы случайными гостями. Мы разговаривали о правде. Грустный американец Вилли спросил сурового Себастиана: «Дружище, неужели все немцы такие дураки, какими ты их изображаешь?» «Почти все!», уверенно ответил старик Себастиан, «я всегда пишу только правду!». Карел, господин в накрахмаленных манжетах с бирюзовыми запонками, вступил в разговор: «Коллеги, я хочу писать больше правды, но меня душит своими придирками редактор, ему нужен тираж, и мне приходится показывать людей хуже, чем они есть на самом деле». «Хуже, это странно», отметил грустный Вилли, «Я стараюсь героев делать лучше тех людей, которых знаю. Да плохо получается». В спор вмешался проснувшийся завсегдатай, местный газетчик Ярошик: «Я писал, пишу, и буду писать только правду! Дайте мне любую правду, и я её немедленно напишу!» «Знаем, знаем», сказали мы хором, «отдыхай Ярошик, мы тебя разбудим». Прошло полчаса, на трамвае приехали скромные веселые журналисты Илюша и Женя, хозяин пересадил нашу мужскую компанию за массивный приземистый стол, и мы продолжили разговор о правде, запивая свои монологи и диалоги молодым светлым пивом и заедая хрустящими рогаликами с тмином и поджаренными на решетке колбасками. Я многое узнал о правде в тот вечер и ту ночь, и предлагаю читателю небольшую повесть, созданную по рецептам, услышанным мною на Виноградах.

И главный из этих рецептов: *«писать нужно всегда только правду»*.

Предисловие

Напротив меня на изящном венском стуле сидел довольно неприметный, но очевидно физически крепкий мужчина лет шестидесяти пяти. Его сегодняшнее имя Александр П...ч, но в моем повествовании он будет проходить под именем, которое Александр получил при рождении – Эжен. Эжен более тридцати лет прослужил в подразделениях американской морской пехоты и различных специальных служб, оставаясь от первого до последнего дня агентом советской, а затем и российской разведок. Моя публикация об его приключениях связана с тем, что с ряда эпизодов его обычной и боевой биографии снят режим секретности, и Эжен, после некоторых колебаний, согласился надиктовать мне эти невыдуманные истории. Свои монологи Эжен диктовал вне всякой хронологии, а так, как они ему вспоминались. Я это частично поправил. В беседах со мной Эжен вынужден был говорить на русском языке, а его он знает значительно хуже нескольких других языков, которыми он владеет в совершенстве или хорошо. Русскую речь Эжен впервые услышал в начале 70-х годов от своего сослуживца – американца с польскими корнями. За пределами России Эжен на русском никогда и ни с кем не говорил, и приступил к его освоению в начале 2001 года. Я, в свою очередь, не знаю ни одного языка, которыми владеет Эжен, кроме русского. Невольно между мной и Эженом создался небольшой языковой барьер. Иногда он не мог что-то объяснить мне, иногда не понимал нюансы моих наводящих вопросов. Итоговый вариант своих монологов, который я предоставил Эжену для прочтения, он одобрил словами «хорошо, хорошо», но никаких исправлений не внес. Текст, прочитанный и формально одобренный Эженом, я вам и предлагаю.

Питтсбург, штат Пенсильвания. Расконсервация

Как вы знаете, Володя, то, что я советский агент под прикрытием, я узнал довольно неожиданно и в юном возрасте – в пятнадцать лет. Обстоятельства моей «заброски» я расскажу несколько позднее, а начну я с начала моей работы именно как агента – агента под прикрытием. Много из того, что я рассказываю вам о том времени, я узнал гораздо позже, частично уже после выхода на пенсию в чине

Итак, мне было пятнадцать лет и я жил в городке Ист-Ливерпуль на реке Огайо, на границе штатов Огайо и Пенсильвания. Мой городок ничем не отличался от других ему подобных, но был известен всей Америке. Славу Ист-Ливерпулю принес главный гангстер Америки тридцатых годов «Красавчик Флойд» случайно убитый лет за тридцать до начала наших событий в его окрестностях. На дворе была вторая половина шестидесятых годов, и я еще ничего не планировал, а жил обычной жизнью паренька, родители которого приехали в Америку перед второй мировой. Мой отец Луку Бандиян – как выяснилось не биологический – был по национальности румын, кажется родившийся в предместьях города Хунедоара в Карпатах. Эта местность незадолго до рождения моего отца отошла от Венгрии к Румынии. Отец в поисках лучшей доли в конце тридцатых годов эмигрировал из Румынии в Америку, чему способствовало то, что он был по профессии техник-телеграфист и знал кроме румынского еще два языка – немецкий – хорошо, и английский – плохо. Эмиграция спасла моего отца от ужасов войны, но в Америке он долго числился неблагонадежным, именно в силу места своего рождения, где проживали вперемежку и венгры и румыны и секеи – так в Венгрии и Румынии называли этнических карпатских саксонцев.

С матерью мне повезло больше – она была француженка из города Шалметт, штат Луизиана. Мать была моей биологической матерью, но мной абсолютно не занималась, поэтому небологический отец (о чем он не знал) Луку Бандиян был мне много ближе биологической матери. Родители назвали меня Эжен – на французский манер – вроде бы по настоянию матери – и я в пятнадцать лет чувствовал себя настоящим американцем Эженом Бандияном. Ничего не предвещало, как обычно пишут журналисты, предстоящих событий и, тем не менее, в одно зимнее утро они начались.

Я проснулся, занятий в школе не было по причине каникул – встал с кровати, подошел к окну, и вдруг внутри моей черепушки что-то зашуршало, и голос на излишне твердом английском языке сказал – «Эжен, поздравь Элвиса!». На столе в моей комнате валялись какие-то рождественские открытки, почти все они были испорчены в прошлом году, когда я по американской традиции писал поздравления своим одноклассникам. Я нашел одну неиспорченную открытку, и написал: «Элвис, поздравляю тебя с днем рождения!», и подписал: Эжен Бандиян,, Ист-Ливерпуль, Огайо. Адреса Элвиса я не знал и написал наудачу: Элвису Пресли, Луизиана. В обед я подкараулил почтальона, который на своем древнем автомобиле ехал по нашей улице, остановил его и отдал открытку. Почтальон спросил меня – первый раз в моей жизни – «ты фанат Элвиса?», я ответил – «конечно!»

Прошел год, или больше, я почти забыл о своей открытке. Иду я в четверг по улице, а сзади меня плавно нагоняет машина, затем она тормозит, испуская облако вонючего дыма, и из нее все тот же почтальон заговаривает со мной второй и последний раз в моей жизни. «Эй, парень, тебе открытка от Элвиса!». И действительно – в моих руках оказалась открытка, на которой было написано «Эжен! Клуб фанатов Элвиса ждет тебя в Питтсбурге на еже-

годном съезде, по адресу, в воскресенье мая года в 12 часов. Оденься попривлекательней, будет концерт и угощение, с собой иметь шесть долларов». Идти к матери было бесполезно, я подождал, когда отец вернется со второй смены из радиомастерской, где он работал, и показал ему открытку. Отец спросил то же, что и год назад почтальон: «ты фанат Элвиса?», я пожал плечами и промычал – «вроде того». Отец подумал и предложил – «я дам тебе восемь долларов и довезу до Бивер-Форса, там ты сядешь на автобус из Кливленда, а через сорок миль – Питтсбург, но обещай, что не будешь пить много пива, и к понедельнику вернешься». «Конечно», ответил я. Пива я не пил вовсе, но мы в классе пробовали пару-тройку раз ром, который приносил наш одноклассник пуэрториканец (его старший брат работал в баре), а «вернуться к понедельнику» – это было дежурное обещание любого шестнадцатилетнего американца. Так мой отец Луку Бандиян дал старт моим приключениям как агента под прикрытием.

Все случилось точно по задумке моего отца. Утром в воскресенье он довез меня до хайвея Кливленд – Питтсбург, я сел в автобус – экспресс, уплатил доллар и быстро доехал до Питтсбурга. Найти место встречи фанатов Элвиса не составляло труда, ибо группы фанатов, многие из которых были изрядно навеселе, бродили по центру города. Я подошел к зданию небольшого кинотеатра – именно в нем проходил наш съезд, вошел в открытые двери и наткнулся на первого распорядителя, одетого в стиле «нашего кумира». Он окинул меня оценивающим взглядом и спросил, «ты из Огайо, парнишка?», я удивился и сказал – «да!», – «иди, получи бейджик и чеши в зал, скоро все начнется». У столика мне задали неожиданный вопрос – «твоя открытка?», я достал из джинсов смятую картонку и сунул ее второму распорядителю. «Из Огайо, Эжен Бандиян», громко крикнул этот расфуфыренный придурок, и достал из ячейки с литерой «Б» бейджик на шнурке с надписью «Эжен Бандиян, Огайо». Не успел я опомниться, как третий распорядитель ловко нацепил мне этот бейджик на шею и толкнул меня в сторону дверей зала, и я мгновенно стал похож на боевого пса из Огайо, которого в именном ошейнике хозяин толкает внутрь решетчатой круглой загородки собачьего ринга. В зале, впрочем, это ощущение у меня пропало, – все находившиеся там фанаты уже были в именных бейджиках – ошейниках.

Прошло пару часов, концерт для фанатов Элвиса закончился. Я уже подумывал, куда пристроить мне оставшиеся шесть долларов, но тут распорядители объявили сбор пожертвований на подарок Элвису, и в моем кармане остался один доллар. Это компенсировалось тем, что из зала открыли несколько дверей в сад, в котором между деревьями стояли столы с пивом, колой, сэндвичами и сладкими крекерами. Выбора не было, я взял пару банок колы, пакет с сэндвичами и хотел, было, идти на автобус, но кто-то взял меня сзади за левый локоть. Парень, едва старше меня, сказал – «Привет, Эжен из Огайо, – покурим?», мы отошли в сторонку, и неожиданно незнакомец тихо сказал некую длинную фразу на чудном языке – это был не румынский, английский, французский или немецкий язык – их я знал хорошо, а что-то восточное, азиатское. Фраза незнакомца открыла в моей шестнадцатилетней американской башке некий люк, и оттуда выплыл приказ – «Эжен, ты нужен своей исторической родине, России!». Я толком не успел ничего подумать, а парень строго сказал мне – «Эжен, ты обязательно должен поступить в кадровую американскую армию, в корпус морской пехоты, – это первое задание Центра. Когда выполнишь первое задание – найди способ написать поздравление Элвису. В письмо вложи свое фото в форме и напиши место, в котором ты намереваешься когда-нибудь отдохнуть. Например: десятого мая я хочу поехать в Детройт, посмотреть на Озера у моста.... Это и будет место следующего контакта с нами. Служи, ни о чем не беспокойся, все запоминай, но не записывай. В нужный для нас момент мы с тобой свяжемся в указанном тобой месте, пароль для связи – *Белая лига*, отзыв – *Орегон*». После

чего совсем по-русски он хлопнул меня по плечу и сказал «Не ссы, братишка, прорвемся!», и исчез – больше я его никогда не видел.

Все произошедшее имело такой смысл – один из пресс-секретарей Элвиса уже лет пять, как был советским агентом, именно он принимал горы писем и открыток от поклонников к Элвису, среди которых были открытки от других советских агентов. Главным в этих агентских открытках было имя и адрес – ответное письмо, которое направляли туда, было письмом приглашением на какой-то съезд, концерт, танцы или ужин, там и проводилась передача всякой шпионской информации и разведывательных и боевых заданий. Затеряться нескольким агентам среди толп пьяных фанатов Элвиса не составляло труда. Эту остроумную комбинацию придумал какой-то мудрец, работавший в свое время советским резидентом в Лиссабоне. Пытались эту схему связи вести и по фанатам группы Битлз, но их поклонниками в Америке были в основном девицы, и схема работала плохо. Я слышал, что американцы так и не раскрыли схему связи «через Элвиса», но ее свернули сами московские создатели, т.к. число поклонников Элвиса резко уменьшилось, а возраст поклонников увеличился, и они стали лично знать друг – друга. Но в моем случае популярность Элвиса шла на спад, но агентская почта пока работала надежно.

Прошел еще год, я окончил школу. Америка вела войну во Вьетнаме, многие укрывались от армейского призыва в Канаде, но я имел твердый приказ Центра – идти добровольцем в кадровую американскую армию. Месяца через два после окончания школы я сказал своим родителям, что поеду в Колумбус и попытаюсь поступить в морскую пехоту. Матери было не до меня, а отец серьезно спросил: «сын, ты все обдумал?» Я ответил «Да», и через три дня с тридцатью пятью долларами в кармане я уже ехал в Колумбус на экспрессе из Балтимора. У призывного пункта – трехэтажного здания за серым металлическим забором – болталось два черных «пикетчика» с картонными табличками на струганных палках. На табличках у «пикетчиков» не было никаких надписей, а красовалась куриная лапка в кружке – символический знак борцов за мир. Теперь я думаю, что это были провокаторы, поставленные «на точку» спецслужбами для ловли реальных борцов за мир, а тогда я наивно решил, что это страшно смелые последователи героического М.Л.Кинга, незадолго до этого злодейски убитого в Мемфисе. Кроме упомянутых смельчаков у здания пункта не было никого. Когда я подошел к самому входу, один пикетчик затушил о подошву ботинка косячок, который он лениво посасывал, и отделился от своего напарника. Он оценил мой смуглый цвет лица (а кровь у меня действительно южная) и предпринял робкую попытку моего совращения. Неведомо откуда взялась третья палка с табличкой, которую «активист» протянул мне и подмигнул. Я молча увернулся от картонной «куриной» таблички, открыл дверь пункта и шагнул внутрь, после чего «смельчак» вернулся на свою исходную позицию к забору. Кстати, когда через три часа я выходил из призывного пункта, пикетчики сидели на бордюре тротуара, вытянув свои тощие ноги на дорогу, а куриные таблички – штук пять-шесть валялись рядом с ними на тротуаре. Наверное, они ждали машину с очередной сменой мнимых борцов за мир.

Насколько не было посетителей вне призывного пункта – настолько много их было внутри – что было удивительно. Холл первого этажа был буквально набит людьми – но при внимательном рассмотрении, я обнаружил две разные очереди. Первая состояла из тридцати пяти – сорока парней, некоторые из которых сидели на привинченных к полу стульях, а другие стояли, прислонясь к стенам. Эта очередь уходила в дальний конец начинавшегося в холле коридора, она показалась мне неподвижной и даже полумертвой – это были призывники, вызванные в пункт повестками. Единственная дверь в холле призывного пункта была

украшена красочным плакатом, на котором бравый американский вояка в красивой восьмиугольной фуражке и черном парадном мундире улыбался и крепко держал за тонкую талию смазливую раскосую девицу – то ли малайку, то ли китайку. В грудном кармане парадной блузы у вояки с плаката торчала пачка двадцаток толщиной с баранью котлету. Текст, написанный на рекламном плакате крупными буквами, завлекал – «Иди в американскую армию и увидишь весь мир!». Около этой двери и была вторая очередь всего из двух парней – прилично одетых и веселых. Позднее я узнал, что это были дети военных чиновников, которые шли в армию добровольцами по рекомендательным письмам, а служить им предстояло в нашем штате в одной из тыловых военных контор. В эту очередь добровольцев я и пристроился. Ждать мне пришлось недолго – полчаса.

Когда я постучал в дверь и зашел в офис, чиновник, который сидел за столом, поднял на меня глаза и молча показал на стул. Я сидел, а он шелестел какими-то бумажками, и, наконец, спросил: «Слушаю, парень». Я сказал заранее продуманную фразу – «Я, Эжен Бандиян из Ист-Ливерпуля месяц назад достиг призывного возраста и желаю поступить добровольцем в корпус морской пехоты». Чиновник приторно улыбнулся и прошептал – «Похвально, похвально, но почему в морскую пехоту? Почему не пойти в авиацию или в береговую охрану, и не поехать в райские места – на Гуам, на Окинаву, острова Трук, наконец? Чем ты, Эжен, мотивируешь свою просьбу?» «Хочу служить так же, как служил Элвис», отчеканил я. «Так ты фанат Элвиса. Да, он служил, и, говорят, пару раз ночевал в своей части в общей армейской казарме. Но была ли это морская пехота? Впрочем, в нашем с тобой случае, это и не важно. Твой искренний патриотический порыв военное ведомство Америки приветствует. Дай-ка я взгляну на твои документы». Я протянул свой паспорт, школьный аттестат и письмо от городского шерифа. Чиновник покрутил в руках мои корочки, кинул их на стол и произнес «Парень, ты, как тут написано, румын и это интересует военное ведомство, но знаешь ли ты свой родной язык?» Я ответил, что знаю румынский, французский, и немецкий языки.

Чиновник еще немного подумал и доверительным тоном сказал: «Что же, пожалуй, я дам тебе нашу анкету. Выносить ее из здания нельзя – прямо сейчас заполни все страницы в холле и заходи еще раз». Я так и сделал, заполнение толстой анкеты заняло у меня два часа. Когда я второй раз зашел в тот же кабинет, дело близилось к вечеру. Чиновник бросил мою пухлую анкету в шкаф и спросил – «Парень, есть ли у тебя деньги, чтобы прожить в Колумбусе еще пару дней?», я ответил отрицательно. «Не беда, парень», сказал добрый чиновник, рекрутирующий наивных добровольцев, «Поживешь в новой казарме национальной гвардии, отоспишься, примешь душ. Я дам тебе ордер на поселение и талоны на обеды. Завтра приходи к восьми часам утра сдавать тесты по спортивной подготовке, а послезавтра в пять часов вечера ты узнаешь, как решилась твоя судьба».

Моя судьба решилась положительно, через пять дней в восемь часов утра вместе с еще тремя кандидатами в морские пехотинцы я прибыл на призывной пункт Колумбуса для отправки на базу в Филадельфию. А оттуда мой путь лежал в Сан-Диего, штат Калифорния, на базу сил спецназначения морской пехоты. Так, во всяком случае, мне казалось.

Огаста, штат Мэн

Когда наш лайнер Локхид С-130 Геркулес взмыл в небо с аэродрома в Пенсильвании, который я условно называю аэродромом Филадельфии, было раннее осеннее утро. Я первый раз поднялся в воздух и набирался новых впечатлений. Когда Геркулес пробил облака, в его иллюминаторы по правому борту ударило солнце. Из щелей багажной полки, тянувшейся вдоль всего борта над иллюминаторами, гнусавый голос сообщил, что мы на высоте двадцать тысяч футов, за бортом минус десять по Фаренгейту, время в полете два часа тридцать минут, можно отстегнуть ремни безопасности и, при необходимости, ходить по оси воздушного судна.

Выполнить команду на отстегивание ремней я не мог, ибо никаких ремней на моем кресле не было. Это кресло было по левому борту лайнера и остатки школьных знаний, уже почти растаявших в моей голове, подсказывали, что если мы летим на запад в Калифорнию, то солнце должно быть именно в моем иллюминаторе, а его там не было. За стеклом под нами клубились красивые облака, в прогалинах которых показывались зеленые и желтые куски земной поверхности, казавшиеся мне бугристыми. Я не ошибался – это были горы Аппалачи, вдоль южного склона которых мы летели на северо-восток. Ближе к обеду мы уже приземлились. Под командой двух офицеров, которые нас сопровождали, мы – нас было около восьмидесяти человек – погрузились прямо у борта лайнера в серые военные автобусы с зарешеченными окнами и поехали к своей цели – учебной базе специальных батальонов морской пехоты. Этот секретный объект располагался в верховьях речки Каннебек, на которой стоит город Огаста, штат Мэн. Именно поэтому указанную географическую точку я условно называю – Огаста.

Калифорнийский берег, который раскинулся на мокром бетонном плацу учебной базы в предгорьях Аппалачей, встретил нас ветром, колючим дождиком и холодом. Почти все прилетевшие (человек десять наших попутчиков остались в аэропорту) были построены усилиями местных капралов под навесом у штабной рубки базы. Единственный раз, как потом оказалось, к нам вышел командир базы – майор. О себе он говорил в третьем лице: «Командование учебной базы приветствует на своем борту новую команду курсантов добровольцев. Номер вашей учебной команды G3, командир сержант-майор Ник Колд. Все остальное он скажет сам.» Майор ушел в штабную рубку, а перед нашим неровным строем остался очень крепкий и сильно загорелый мужчина, по виду лет двадцати пяти, одетый в хорошо отглаженную пятнистую форму. Шнурованные ботинки – бутсы – у него были начищены до такого блеска, что дождевики, на них попадающие, вспыхивали как бриллианты. Это был сержант Колд – как выяснилось – законченная военная сволочь и циник, лучший продукт, который была способна выдавить из своего железного чрева американская военно-морская мясорубка.

Сержант Колд сказал короткую речь, которая достойна того, чтобы привести ее полностью. «Я сержант-майор Колд, командир вашей учебной команды, и все ваши задницы и тощие и толстые на три месяца минимум поступают в мое полное распоряжение. Я имею полномочия от командования иметь вас в таких позах, тогда и столько раз, сколько сам пожелаю. Называть меня следует – господин сержант, гребанный рядовой-рекрут назвавший меня один раз кличкой „сэр“, получит сутки штрафных работ, за второй раз – двое суток ареста, за третий – три месяца военной тюрьмы. Но этим он не освобождается от своего права быть курсантом добровольцем – его учеба будет продолжена и после отсидки. Отсюда,

из нашего тропического Сан-Диего, есть два пути – путь в кадровые спецподразделения морской пехоты, или в никуда. Ни одна наглая рожа никогда не должна обращаться ко мне напрямую – все вопросы к капралам, которые сейчас сформируют свои отделения. Учить уму разуму на нашей учебной базе я вас не буду, все уставы, приказы, положения, приложения и уложения вступают для вас в силу с этой минуты. В кубрике для отдыха они свалены на полках попеременно с веселыми картинками голых телок, комиксами о войне и военными очерками штабистов о пользе воздержания и вреде разнообразных неуставных половых связей. Откопайте их, почитайте перед сном и вам все станет ясно. Никаких увольнений, денежного довольствия и просто удовольствия и расслабухи в нашем центре у вас не будет. Наш адрес для открыток от мамочки вы прочитаете на двери сержантского кубрика. Не запечатывайте писем – нам лень их расклеивать и заклеивать. Попросите мамочку не слать к вам никаких посылок – нам лень их выкидывать.» Сержант Ник Колд завершил свое бодрое наставление и ушел по плацу в сторону каюты нашей учебной команды. В его сообщении крылась еще одна строевая тонкость – майор назвал нас курсантами, но настоящее звание у нас было рядовой-рекрут, кадровыми рядовыми мы стали по окончании учебы.

Диковинные названия, которые я вам сообщил, – борт, рубка, кубрик, каюта, а также иллюминатор и камбуз, содержались в секретном наставлении и были обязательны к употреблению. Вашингтонские фантасты считали, что если враг (русские или китайцы) похитит часть документов из нашего центра, то он (враг) будет считать центр эсминцем или корветом с именем «Огаста», стоящим на якоре у прекрасного острова Санта-Каталина напротив пляжа Лонг-Бич, Калифорния.

К вечеру я был полностью готов к учебе – имел стриженный затылок, расписался во всех подсунутых капралом, одним из помощников сержанта Колда, бумажках, знал номер ячейки в оружейной каюте со своим личным оружием – винтовкой, кольцом, ножом «страйдер», средствами химической защиты – респиратором и противогазом, и жестяной коробкой моей личной аптечки.

Занятия начались утром – до завтрака мы бегали под дождем кросс по раскисшей грунтовой дороге, уходящей из учебных ворот базы в невысокие горы. Первые два удовольствия, полученные мной в это утро, были – натертые высокими шнурованными бутсами ноги и жесткое замечание от капрала – командира моего отделения – за плохие физические кондиции. Капрал, его фамилия была Битер, бежал последним в нашем отделении и, когда я стал отставать, проорал мне в ухо: «Подтянись, падаль, мать твою. В Огайо все такие дохляки?» Последнее замечание выдало его – стало ясно, что он уже читал мое личное дело, состряпанное военными чиновниками в Колумбусе на основе моей анкеты.

Если уж я заговорил о капрале Битере, то должен отметить – по военно-морским меркам это был неплохой человек. Битер воевал во Вьетнаме по призыву, и видел кровь и смерть не на экране, а в жизни. От Вьетнама ему досталось на память сложное тропическое расстройство лимфатической системы, скорее всего не заразное. Он все время потел, до такой степени, что под мышками его тужурки образовалась целая паутина от выпарившейся соли. Вонь от пота, производимого днем и ночью организмом капрала Битера, была невероятная – казалось она даже ест глаза. Одновременно с этим в боевом отношении это был человек умелый, лишь немного уступающий инструкторам, нас обучавшим. Всего с капралом Битером я прослужил два года и ни разу не знал именно от него какой-то каверзы или большой подлости.

Потянулись дни занятий. График нашей подготовки был очень плотным, никаких специальных строевых упражнений на плацу, никакого подъема флага, оркестров, общих построений. Я вообще не помню, чтобы где-то на нашей секретной огромной площадке был флагшток с американским флагом. Периметр базы охраняло подразделение военной полиции, если судить по шевронам, но кто это был на самом деле, я не знаю. На внутреннем ограждении базы болтами были прикручены черные ржавые транспаранты, на которых белыми выпуклыми буквами было написано: «Запретная зона. Не подходить. Огонь открывается на поражение». Можно было не сомневаться, что угроза будет обязательно исполнена. Нас выставляли на ночной караульный пост внутри базы в палатке у одной из кают (их было в центре пара десятков) только в виде наказания. Я ходил в такие караулы-наказания, при этом ты всю ночь не спишь и мерзнешь на улице, но к утренней побудке являешься в свой кубрик и докладываешь капралу о прибытии и продолжаешь занятия. Получается, что это наказание в виде лишения сна на сутки. Все занятия вели инструкторы, обычно это были первые лейтенанты, очень редко капитаны.

Ужасный сержант Колд неторопливо знакомился со своими подчиненными особым способом – после отбоя. До меня дошла очередь на третьей неделе. Я вошел в его сержантский кубрик и доложил – «рядовой-рекрут Эжен Бандиян по приказу капрала Битера для ознакомительной беседы прибыл». Колд раскрыл мое личное дело, перевернул страницу и вежливо сказал: «Садись курсант Бандиян, садись. Где это в Огайо рождаются уроды и неумехи, вроде тебя?» Эта была невинная хитрость и ловушка— « Я родился в Пенсильвании, господин сержант!», «Тут так и написано» – он ткнул пальцем в страницу, «но так ли это на самом деле, и что это за национальность – румын, ты что макаронник?». «Нет, господин сержант, Румыния такая европейская страна на Черном море, и там живут румыны». «Не учи меня географии морячок – рыбачек, я уже понял, что ты даже не макаронник, те бывают поумней». Сержант Колд закурил тонкую сигару, ловко пустил кольцо дыма со специфическим ароматом и, покуривая, минут пятнадцать читал мое личное дело. Затем он бросил примятый окурок сигары прямо в форточку иллюминатора своего кубрика и сказал: «Хорошо, Рыбачек с Огайо, ты свободен, а я на днях приду на одно из занятий и лично посмотрю, так ли ты хорош в деле, как тут мне расписывал». После этой полуночной беседы я стал навсегда Рыбачком с Огайо или просто Рыбачком.

Лучше всего мне давались технические занятия, работа на ротной радиостанции и взрывное дело. Через месяц в боевом расписании своего отделения я был назначен сигнальщиком и дублером сапера. Это значило, что вместо пулемета, гранатомета, ящиков с боеприпасами мне предстояло во время боевых действий таскать радиостанцию «Моторола», аккумуляторы, провода и всякие мины и взрыватели.

Стрелковые занятия по своим результатам поделились у меня пополам – стрельба из штурмовой винтовки мне не очень удавалась, но я хорошо стрелял из кольта 45-го калибра. Как может из винтовки М16 стрелять подлинный снайпер, нам на втором занятии показал наш уже немолодой инструктор – капитан с брюшком и красным одутловатым лицом. Он взял винтовку М16, прижал ее одной правой рукой к своей бесформенной талии и очередями в два патрона, не дожидаясь отсечки по третьему, последовательно положил четыре поясные мишени – фигуры «вьетконговцев» – в четырех окопах на расстоянии в триста ярдов. При этом капитан вел прицеливание в мишени путем поворота своего толстого корпуса. Все мы были раздавлены этой демонстрацией как клопы.

Интересный случай, неожиданно, ожидали наше отделение при упражнении на учебное метание гранат. Упражнение проводилось в спортивном ядре нашей базы. Я стартовал с винтовкой М16 из своей траншеи, добежал десять ярдов до второй траншеи, нашел там учебную гранату Марк 2 (зеленую) и кинул ее в третью траншею, расположенную ярдах в двадцати, после чего нашел у себя под ногами голубую учебную гранату Марк 69 и кинул ее на дальность – она перелетела линию в сорок ярдов, и я получил 8 баллов за выполненное упражнение. Чудеса начались, когда упражнение выполнял один из курсантов, родом из Флориды. Этот нескладный длиннорукий юноша занимался в детстве фехтованием на шпагах и был несколько раз победителем на каких-то юниорских соревнованиях на Юге. Он так бросил вторую (голубую) гранату, что она улетела за границу травяного газона и упала ярдах в десяти от скамейки, на которой восседал сержант Колд. Дальность броска составила ярдов семьдесят-восемьдесят. Сержант Колд, однако, отнесся к этому происшествию спокойно, и фехтовальщик не был ни поощрен, ни наказан. Сразу следом за ним упражнение выполнял единственный на всей базе азиат – кореец по фамилии Хи. Курсант Хи оказался ниже уровня бруствера второй траншеи, и когда он туда спрыгнул, его каска даже не виднелась. Первую гранату он кинул ярдов на пятнадцать, вторую еще ближе. Это привело к тому, что инструктор заставил всех курсантов нашего отделения, кроме фехтовальщика, повторить упражнение. Кореец Хи выполнил упражнение на прежнем уровне – натренировать его было невозможно.

Хуже всего у меня обстояло дело с плаваньем. На занятие по плаванью в бассейн учебного центра и пришел сержант Колд, хотя шла уже пятая неделя моего обучения. Колд любил держать своего подчиненного в напряжении, и когда этот бедолага, заранее выбранный на роль жертвы будущего спектакля безжалостным сержантом, думал, что угроза миновала – этот садист появлялся из-за занавеса на сцену. В то утро наше отделение впервые отрабатывало аварийную высадку с борта на берег. Мне, к тому же, не повезло с фамилией – она начиналась на литеру «Б» и я всегда стартовал в своем отделении вторым. Это создало большое удобство для сержанта. Пока первый курсант барахтался в бассейне в полной выкладке, в каске и с винтовкой, пытаюсь проплыть шестьдесят ярдов до дальнего борта за четыре минуты, – Колд курил свою отвратительную филиппинскую сигару, а когда к борту бассейна подошел я – к нему подошел и Колд. Основная хрень состояла в том, что я сумел проплыть довольно быстро для себя сорок ярдов, а затем утопил винтовку. Первые три минуты, пока я плыл, как мне потом сказали парни, Колд стоял с разочарованным видом, но после моего грандиозного промаха, он оживился, закурил новую сигару и стоял у бортика, широко расставив ноги и раскачиваясь всем своим тренированным телом взад и вперед. Утро для него прошло не зря – этот садист блаженствовал, а я нырял на глубину два метра и пытался выудить винтовку. Минуты через две я догадался расшнуровать бутсы, подплыл к дальнему борту и выкинул обувь на резиновый коврик. После этого мне удалось вытащить М16 достаточно быстро. С бутсами и винтовкой в руках я вернулся на исходный рубеж.

Колд не выдержал и обратился к инструктору: «Вы позволите, господин лейтенант?». Получив разрешение, Колд повернулся лицом к шеренге нашего отделения и произнес: «Парни, не торопитесь ржать, наш босоногий Рыбачек отлично выполнил задание командования и показал всем как надо высаживаться на берег врага, если хочешь быстро получить в пузо пулю от коммунистов. За точное, мать твою, выполнение сложного задания Рыбачек поощряется двумя сутками ареста. Капрал занесите это поощрение на дверь сержантского кубрика в лист наших награждений, я же этим вечером поищу в личном талмуде Рыбачка адрес мудаков из Колумбуса и подробно сообщу им о сегодняшнем подвиге героя, которого они специально для нас выловили в мутных зеленых стоках Огайо». Все курсанты нашего

отделения ненавидели Колда, и он это знал, но все они при его речи расплылись в широких улыбках, а некоторые так пожирали сержанта глазами, что могли подавиться. Арест действительно был занесен в мое личное дело, но не реализован.

Однажды на третий месяц учебы мы проснулись утром по команде вахтенного, и заспанные потянулись из своего кубрика в галльон в конце каюты. Перед самым построением на утренний кросс шесть курсантов нашего отделения обнаружили отсутствие поясных ремней на своих прикроватных табуретах. Мой ремень был на месте, так как моя койка была вдоль стены, а ремни пропали у тех, чьи койки стояли у длинного низкого иллюминатора. Курсанты доложили о происшествии капралу Битеру, он сбегал и доложил сержанту Колду. Сержант дал команду искать ремни и обещал жестко наказать шестерых уродов и раззяв. Целый день половина нашего отделения таскала подсумки, ножи, а вечером кольца, в руках, получив за это букет взысканий от инструкторов. Поиски ремней вечером в нашей каюте и вокруг нее ничего не дали. На следующее утро шести несчастным курсантам капралы – помощники Колда – выдали новые замшевые ремни. А следующие недели две по очереди «уроды и раззявы» заступали в виде наказания на ночные караульные посты.

Уже после увольнения капрала Битера я узнал, что это была операция сержанта Колда по развитию у курсантов бдительности, в которой принимали участие капрал Битер и еще какие-то неустановленные приспешники сержанта из других отделений. Вахтенные нашей команды накануне днем открыли запоры иллюминатора нашего кубрика, ночью иллюминатор был открыт «ворами», которые с помощью палки с металлическим крючком стащили у спящих курсантов ремни. Все это действие контролировал вечно вонючий капрал Битер, койка которого стояла рядом с моей. Командование базы было в курсе, но цель была достигнута – мы стали убирать ремни с табуретов в тумбочки (это было нарушением одной из инструкций), постоянно проверять запоры иллюминатора, и следить друг за другом. Иначе говоря, мы стали недоверчивы, подозрительны и бдительны одновременно.

Раз десять в течение учебы наша команда участвовала на местности в общих учениях разной военно-технической направленности. Пара учений была посвящена защите от химического оружия. Первое прошло на второй неделе обучения, и оно для меня завершилось благополучно. На втором учении на второй месяц учебы я реально отравился отравляющим газом, был отмечен как боевая потеря, после чего доставлен санитарями в бессознательном состоянии в госпиталь. Попутно я испортил боевые показатели всей нашей учебной команде и отрастил лишний зуб на себя в необъятной звериной пасти сержанта Колда. Все это было последствием моего сидения в составе отделения в полном комплекте средств химической защиты в резиновом шатре, в который инструкторы напустили слабый отравляющий газ. По распорядку учений сидеть мы были должны три часа, после первого часа сидения я вырубился и упал лицом вперед со скамейки. Очухался я уже в комнате госпиталя нашего центра. Вечером я явился в свою каюту, утром узнал, что имею еще двое суток ареста. Этот второй арест, который последовал через небольшой промежуток времени за первым арестом, полученным мной за подвиги в бассейне, также не был исполнен.

Из развлечений доступных нам в учебном центре были: полчаса просмотра телепередач вечером каждого дня и занятия в спортзале по воскресеньям. Я регулярно участвовал по воскресеньям в баскетбольных матчах в составе команды своего отделения против других команд из всех отделений нашей базы. Обычно мы проигрывали. Как-то в конце третьего месяца обучения после обеда мы играли с командой из отделения учебной команды G14. Мы опять проигрывали безнадежно, но в третьей четверти немного оживились, а я забросил

пару трехочковых. Парни при нашей атаке дали мне пас, но неожиданно я получил крепкий удар коленом по кобчику – пошатнулся, встал на обе ноги, и, следующим шагом, сделал пробежку. Унизительный удар коленом по заднице так меня разозлил, что я отшвырнул мяч, развернулся к предполагаемому обидчику и с правой нанес сильный крюк в его голову.

Высокий парень в белой майке (мы играли в зеленых) попытался уклониться, и мой хлесткий удар прошел вскользь по его левой брови. Костяшками правого кулака я как ножом содрал ему всю кожу вдоль брови до мяса, кровь полосой в четыре дюйма хлынула вниз и мгновенно залила ему левый глаз, щеку, подбородок и верх майки. Немедленно началась махаловка, мне подбили левый глаз, а я сумел крученым ударом в солнечное сплетение отправить еще одного соперника на пол. Общая потасовка в составе десять на десять шла на баскетбольной площадке минуты три, потом в дело вмешались капралы и какие-то сержанты. Матч закончился.

Курсанты из команды G14 грязно ругались и обещали утопить меня уже завтра в первой попавшейся сточной канаве, заставить меня перед этим сожрать свои гребаные кишки и еще много чего. Пострадавшего от моего удара увели в госпиталь, где бровь зашили. Во время драки в спортзале находился мой сержант Колд, но он в события не вмешивался. За драку во время спортивного состязания никто наказан не был, угрозы курсантов повисли в воздухе, а мой авторитет как Рыбачка с Огайо неожиданно укрепился. Многие курсанты до этого показывали свою удаль в боксерских поединках в перчатках, но такого массового, кровавого и жестокого мордобоя, который я устроил в спортзале, в учебном центре не было уже пару лет.

Новый Орлеан, штат Луизиана. «Заброска»

Историю моей заброски в Америку как советского агента Эжена я начну с предистории – со знакомства моих родителей. Как я говорил ранее мой отец Луку Бандияну в конце тридцатых годов уехал из Румынии в Америку. Дело было так – он, в те годы молодой и весьма симпатичный человек и телеграфист по профессии, был знаком с радистом грузового румынского теплохода «Аджитат». И когда это судно с грузом мебельной дубовой и буковой доски отправилось из румынской Констанцы в Саванну в Джорджии, радист с разрешения капитана и за небольшие деньги пристроил Луку в своей каюте. В Саванне Луку вышел на берег, но это было не то место, где румын, знающий румынский и немецкий языки мог найти работу.

У Луку было немного валюты во франках, на поезде он доехал до Нового Орлеана и попытался найти работу там. Единственным, чего он достиг – был привод в полицию, т. к. Луку фактически был нелегалом – не оформил свой въезд в США должным образом. В полицейском участке Нового Орлеана он познакомился с юной красоткой француженкой – своей будущей женой. Красотка (будем ее условно называть Лулу) была задержана по обычной для красоток причине – за приставание к прохожим, то есть за уличную проституцию. Некие марсельцы быстро вызволили красотку Лулу из лап полиции, и она вернулась к своим занятиям, а попутно помогла Луку. Он отдал полицейским через марсельских братков почти все свои франки, но в обмен получил документы на въезд. То ли второпях, то ли намеренно в его американских бумагах он был записан без буквы «у» на конце фамилии. Так мой не биологический отец стал эмигрантом Луку Бандиян, въехавшим в США через Новый Орлеан, штат Луизиана, из Румынии.

В качестве компенсации за завышенную цену оказанной услуги, марсельские парни дали Бандияну пару-тройку наколок к своим знакомым в штатах Теннесси, Кентукки, Огайо. Бандиян взял в свою очередь адресок кафе, в котором обычно искала клиентуру моя биологическая мать Лулу, пообещал ей черкнуть пару строк, и уехал по железной дороге в Луисвилл, штат Кентукки, город на реке Огайо. Поработав там годик или более в некоем полулегальном бизнесе, он поехал в Цинциннати, а оттуда в Питтсбург. Из каждого города Луку Бандиян непременно посылал весточку в Новый Орлеан к своей француженке Лулу. В Питтсбурге Бандияна застала война. Появились военные заказы и Луку приняли на какой-то завод, связанный с производством телефонной аппаратуры. Он получил комнату в заводском бараке и в одной из открыток-весточек пригласил мою будущую мать Лулу приехать в Питтсбург осмотреться, а если что и остаться. Репутация Лулу в Новом Орлеане не давала ей возможности создать свою семью, и она приняла приглашение Луку Бандияна. Вскоре Луку Бандиян и Лулу сочетались законным браком. Молодые поселилась в комнате Луку в заводском бараке, а Лулу Бандиян устроилась посудомойкой в ресторане на железнодорожной станции. Так в Питтсбурге мои родители провели военные годы.

А нам необходимо перенестись в окрестности Москвы. На некий сверхсекретный объект, где-то между Подольском и Серпуховом, из Германии чекисты доставили группу военнопленных немецких и австрийских врачей – генетиков. Эта группа в ходе своей научной работы в третьем рейхе вплотную подошла к возможности встраивания в геном человека любой целевой установки поведения индивидуума. Эта установка до поры до времени находилась в спящем состоянии, но могла быть оживлена особым способом – или уколом, или путем температурного удара (теплом или холодом), или специальной кодовой фразой,

т.е. с использованием канала слуха. Работы пленных генетиков заинтересовали секретные управления советской разведки и был открыт НИР, назовем его «Виноград», по реализации идеи заброски советских агентов на запад путем оплодотворения западных женщин семенем с заряженным нужной установкой геномом. Авторство этой революционной идеи не известно, но многие считают, что это предложил лично «САМ».

«Виноград» года через два стал давать практические результаты, были произведены натурные опыты, так как в учреждениях чекистов людской материал находился в любом количестве и даже с избытком. В самом конце сороковых годов было изготовлено нужное семя, для чего использовали семя особо ответственных, а главное здоровых работников органов. Встал вопрос доставки семени в организм биологической матери будущего агента. В рамках «Винограда» прорабатывались разные идеи, но остановились на подмене оперативным способом вагинальной противозачаточной свечки, которую американская «пациентка» вводила в себя после полового акта, на специальную свечку, содержащую сперму с заряженным геномом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.